

М. Пришвин

В КРАЮ ДЕДУШКИ МАЗАЯ

Издательство "Детская литература"

Москва
«Детская литература»
1973

М. Пришвин в походе у палатки. 1938 год.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

М. ПРИШВИН

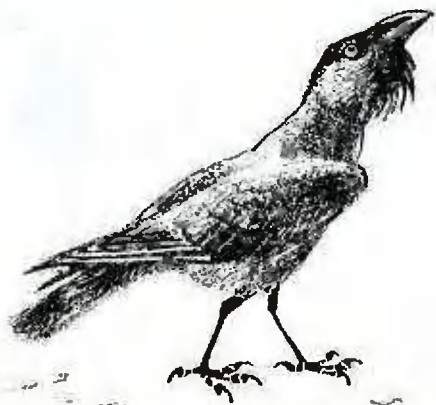
В КРАЮ
ДЕДУШКИ
МАЗАЯ

РАССКАЗЫ

РИСУНКИ Г. НИКОЛЬСКОГО

P 2
H 77

П 0762—221
101 (03) 73 —154—73

I

ОСТРОВ СПАСЕНИЯ

Дом на колёсах

Устроить себе дом на колёсах мне помог один журнал, с которым мы заключили такой договор: я буду писать о своём путешествии, а журнал мне за это поможет устроить дом на колёсах. Вскоре после заключения договора мне прислали грузовик «ГАЗ», полутонну, и я стал обдумывать, как бы на этом грузовике устроить себе охотничий домик и уехать на нём в путешествие ранней весной и до глубокой осени.

После нескольких совещаний со столярами и плотниками я решил себе устроить нехитрый кузов из двойной фанеры.

Мастера мне скоро сделали такой домик с выдвижными щитами для окон: задвинешь щитки — и в домике делается полная тьма, необходимая мне для фотографических работ. Округлый верх домика мы покрыли ещё хорошей клеёнкой и весь домик окрасили в защитный зелёный цвет, чтобы можно было в лесах затаиваться и не пугать птиц и зверей.

Когда зелёный домик был готов и краска совершенно просохла, мы установили его на машину, боковинки ящика грузовика плотно прикрепили железными скобами к стенкам домика, и дом на колёсах был готов... Но только окнами да крышей это было похоже на дом, остальное — машина, состоящая из двух частей: передней, моторной, и соединённой с ней тонкой переслежинкой огромной грузовой части. А ещё больше, чем на машину, мой домик на колёсах был похож на какое-то длинное расчленинное зелёное насекомое.

Управление машиной мне было хорошо известно самому, и брат шофёра было незначем. Мы уложили ружья, резиновые лодки, припасы, усадили собак и уехали в край дедушки Мазая. Этот край, описанный поэтом Некрасовым в поэме «Дедушка Мазай и зайцы», находится недалеко от города Костромы, и река там течёт, наша Волга. Скоро придёт в этот край строительство «Большая Волга», и всё переменится, и весь край будет залит водой. Но сейчас, когда я приехал в него, всё там было точь-в-точь как при Некрасове.

Ранней весной в половодье Волга до того переполняется водой, что ей уже некуда принимать в себя воду при-

токов. Напротив, лишняя вода из Волги выливается. Вот тогда все реки, текущие в Волгу, повёртывают свою воду назад и текут обратно, и весь низменный край покрывается водой и становится похожим на море.

Когда прибывает вода, то, конечно, она сначала заливает места более низкие, и земля становится похожа на тело, покрытое бесчисленными глазками и жилками. А после, когда много придёт воды, всё превращается в море с бесчисленными островами. Мало-помалу и острова исчезают, и только самые высокие места не заливаются и остаются островами на всё время разлива Волги. Вот на эти-то острова, покрытые лесом, со всех сторон сплываются звери: лоси, медведи, волки, лисицы, разные мышки, букашки, всякие зайчики, горностайчики... Тут есть на что посмотреть.

Мы приехали сюда ещё по морозу и в ожидании весны поставили свой дом на колёсах на самое возвышенное место.

Тут мы устроились лагерем.

Когда было холодно, мы согревали изнутри свой домик двумя керосинками, и спать было очень тепло. Когда же кончились морозы и разлилась вода, в небольшом домике спать можно было и без керосинки. А когда стали одеваться деревья, мы надули две наши резиновые лодки, над ними раскинули палатку и спали в этих лодках, как на самых мягких и удобных кроватях. Когда же стало совсем тепло, всей гнусной силой своей напали на нас комары. Тогда мы опять забрались в наш дом на колёсах. Осенью, когда комары стали пропадать, мы опять выбрались в палатку и жили в ней до зимы.

Каждый день я записывал свои наблюдения в природе. Некоторые страницы моего дневника, может, будут вам интересны.

Деревья в плену

Весна сияла на небе, но лес ещё по-зимнему был засыпан снегом. Были ли вы снежной зимой в молодом лесу? Конечно, не были: туда и войти невозможно. Там, где летом вы шли по широкой дорожке, теперь через эту дорожку в ту и другую сторону лежат согнутые деревья, и так низко, что только зайцу под ними и пробежать.

Вот что случилось с деревьями: берёзка вершинкой своей, как ладонью, забирала падающий снег, и такой от этого вырос ком, что вершинка стала гнуться. В оттепель падал опять снег и прилинал к тому кому. Вершина с тем огромным комом всё гнулась и наконец погрузилась в снег и примёрзла так до самой весны. Под этой аркой всю зиму проходили звери и люди изредка на лыжах.

Но я знаю одно простое волшебное средство, чтобы идти по такой дорожке, самому не сгибая спины. Я выламываю себе хорошую увесистую палочку, и стоит мне только этой палочкой хорошенько стукнуть по склонённому дереву, как снег валится вниз, дерево прыгает вверх и уступает мне дорогу. Медленно так я иду и волшебным ударом освобождаю множество деревьев.

Жаркий час

В полях тает, а в лесу ещё снег лежит нетронутый плотными подушками на земле и на ветках деревьев, и деревья стоят в снежном плену. Тонкие стволики пригнулись к земле, примёрзли и ждут с часу на час освобождения. Наконец приходит этот жаркий час, самый счастливый для неподвижных деревьев и страшный для зверей и птиц.

Пришёл жаркий час, снег незаметно подтаивает, и вот в полной лесной тишине как будто сама собой шевельнётся еловая веточка и закачается. А как раз под этой ёлкой, прикрытый её широкими ветками, спит заяц. В страхе он встаёт и прислушивается: веточка не может же сама собой шевельнуться...

Зайцу страшно, а тут на глазах его другая, третья ветка шевельнулась и, освобождённая от снега, подпрыгнула. Заяц метнулся, побесжал, опять сел столбиком и слушает: откуда беда, куда ему бежать?

И только стал на задние лапки, только оглянулся, как прыгнет вверх перед самым его носом, как выпрямится, как закачается целая берёза, как махнёт рядом ветка ёлки!

И пошло, и пошло: везде прыгают ветки, вырываясь из снежного плена, весь лес кругом шевелится, весь лес пошёл.

И мечется обезумевший заяц, и встаёт всякий зверь, и птица улетает из леса.

Беличья память

Сегодня, разглядывая на снегу следы зверушек и птиц, вот что я по этим следам прочитал: белка пробились сквозь снег в мох, достала там с осени спрятанные два ореха, тут же их съела — я скорлупки нашёл. Потом отбежала десяток метров, опять нырнула, опять оставила на снегу скорлупу и через несколько метров сделала третью полазку.

Что за чудо? Нельзя же подумать, чтобы она чуяла запах ореха через толстый слой снега и льда. Значит, помнила с осени о своих орехах и точное расстояние между ними. Но самое удивительное — она не могла отмеривать, как мы, сантиметры, а прямо на глаз — с точностью определяла, ныряла и доставала. Ну как было не позавидовать беличьей памяти и смекалке!

Сосулька

Наш домик на колёсах завалило снегом. Весенний солнечный луч на крыше создал нечто вроде горного ледника, из-под которого, как в настоящем леднике, струилась вода рекой, и от этого ледник отступал. Тоненькая струйка с тёплой крыши падает на холодную сосульку, висящую

в тени на морозе. От этого вода, коснувшись сосульки, замерзает, и так сосулька этим утром росла сверху в толщину. Когда солнце, обогнув крышу, заглянуло на сосульку, я тоже из окошка домика на неё взглянул: мороз исчез, и поток из ледника, сбегав по сосулке, стал падать золотыми каплями вниз.

Далеко ещё до вечера стало морозить в тени, и хотя ещё на крыше ледник всё отступал и ручей струился по сосулке, всё-таки некоторые капельки в конце сосульки стали примерзать, и чем дальше, тем больше. Сосулька к вечеру стала расти в длину. А на другой день опять солнце, и опять ледник отступает, и сосулька растёт утром в толщину, а вечером в длину: каждый день всё толще, всё длиннее.

Муравьи

Я устал на охоте за лисицами, и мне захотелось где-нибудь отдохнуть. Но лес был завален глубоким снегом, и сесть было некуда. Случайно взгляд мой упал на дерево, вокруг которого расположился гигантский, засыпанный снегом муравейник. Я взбираюсь вверх, сбрасываю снег, разгребаю сверху этот удивительный муравьиный сбор из хвойнок, сучков, лесных соринки и сажусь в тёплую ямку в муравейнике. Муравьи, конечно, об этом ничего не знают: они спят глубоко внизу.

Несколько повыше муравейника, где в этот раз я отдыхал, кто-то содрал с дерева кору, и белая древесина, довольно широкое кольцо, была покрыта густым слоем смолы. Колечко прекращало движение соков, и дерево неминуемо должно было погибнуть. Бывает, такие кольца на деревьях делает дятел, но он не может сделать так чисто.

Скорее всего, подумал я, кому-нибудь нужна была кора, чтобы сделать коробочку для сбора лесных ягод.

Отдохнув хорошо на муравейнике, я ушёл и вернулся случайно к нему, когда стало совсем тепло и муравьи проснулись и поднялись наверх.

Я увидел на светлом пораненном смолистом кольце дерева какое-то тёмное пятно и вынул бинокль, чтобы рассмотреть подробней. Оказалось — это были муравьи: им зачем-то понадобилось пробиться через покрытую смолой древесину вверх.

Нужно долго наблюдать, чтобы понять муравьиное дело; много раз я наблюдал в лесах, что муравьи постоянно бегают по дереву, к которому прислонён муравейник, только я не обращал на это внимания: велика ли штука муравей, чтобы разбираться настойчиво, куда и зачем он бежит или лезет по дереву! Но теперь оказалось, что не отдельным муравьям зачем-то, а всем муравьям необходима была эта свободная дорога вверх по стволу из нижнего этажа дерева, быть может, в самые высокие. Смолистое кольцо было препятствием, и это поставило на ноги весь муравейник.

В сегодняшней день в муравейнике была объявлена всеобщая мобилизация. Весь муравейник вылез вверх, и всё государство, в полном составе, тяжёлым шевелящимся пластом собралось вокруг осмолённого кольца.

Впереди шли муравьи-разведчики. Они пытались пробиться наверх и по одному застревали и погибали в смоле. Следующий разведчик пользовался трупом своего товарища, чтобы продвинуться вперёд. В свою очередь, он делался мостом для следующего разведчика.

Наступление шло широким, развёрнутым строем, и на наших глазах белое кольцо темнело и покрывалось чёр-

ным: это передние муравьи самоотверженно бросались в смолу и своими телами устилали путь для других.

Так в какие-нибудь полчаса муравьи зачернили смолистое кольцо и по этому бетону побежали свободно наверх по своим дслам. Одна полоса муравьёв бежала вверх, другая вниз — туда и сюда. И закипела работа по этому живому мосту, как по коре.

Ночёвки зайца

Утром со мной шла Зиночка по зайчьему следу. Вчера моя собака пригнала этого зайца сюда прямо к нашей стоянке из далёкого леса. Вернулся ли заяц в лес, или остался пожить около людей где-нибудь в овражке? Обошли мы поле и нашли обратный след. Он был свеженький.

— По этому следу он возвратился к себе в свой старый лес, — сказал я.

— Где же он почевал, заяц? — спросила Зиночка.

На мгновение вопрос её сбил меня с толку, но я опомнился и ответил:

— Это мы почуем, а зайцы ночью живут: ночью он прошёл здесь и дневать ушёл в лес; там теперь лежит, отдыхает. Это мы ночуем, а зайцы днюют, и им днём куда страшнее, чем нам ночью. Днём их всякий сильный зверь может обидеть.

Лягушонок

В полднях от горячих лучей солнца стал плавиться снег. Пройдёт два дня, много три, и весна загудит. В полднях солнце так распаривает, что весь снег вокруг нашего домика на колёсах покрывается какой-то чёрной пылью. Мы думали, где-то угли жгут. Приблизил я ладонь к этому грязному снегу, и вдруг — вот-те угли! — на сером снегу стало белое пятно: это мельчайшие жучки прыгунки разлетелись в разные стороны.

В полдневных лучах на какой-нибудь час или два оживают на снегу разные жучки, паучки, блошки, даже комарики перелетают. Случилось, талая вода проникла в глубь снега и разбудила спящего на земле под снежным одеялом маленького розового лягушонка. Он выполз из-под снега наверх, решил по глупости, что началась настоящая весна, и отправился путешествовать. Известно, куда путешествуют лягушки: к ручейку, к болотцу.

Случилось, в эту ночь как раз хорошо припорошило, и след путешественника легко можно было разобрать. След вначале был прямой, лапка за лапкой, к ближайшему болотцу. Вдруг почему-то след сбивается, дальше больше и больше. Потом лягушонок мечется туда и сюда, вперёд и назад, след становится похожим на запутанный клубок ниток.

Что случилось, почему лягушонок вдруг бросил свой прямой путь к болоту и пытался вернуться назад?

Чтобы разгадать, распутать этот клубок, мы идём дальше и вот видим — сам лягушонок, маленький, розовый, лежит, растопырив безжизненные лапки.

Теперь всё понятно. Ночью мороз взялся за вожжи и так стал подхлестывать, что лягушонок остановился, сунулся туда, сюда и круто повернул к тёплой дырочке, из которой почуял весну.

В этот день мороз ещё крепче натянул свои вожжи, но ведь в нас самих было тепло, и мы стали помогать весне. Мы долго грели лягушонка своим горячим дыханием — он всё не оживал. Но мы догадались: налили тёплой воды в кастрюльку и опустили туда розовое тельце с растопыренными лапками.

Крепче, крепче натягивай, мороз, свои вожжи, с нашей весной ты теперь больше не справишься. Не больше часа прошло, как наш лягушонок снова почуял своим тельцем весну и шевельнул лапками. Вскоре и весь он ожил.

Когда грянул гром и всюду зашевелились лягушки, мы выпустили нашего путешественника в то самое болотце, куда он хотел попасть раньше времени, и сказали ему в напутствие:

— Живи, лягушонок, только, не зная броду, не суйся в воду.

Остров спасения

Недолго пришлось нам дожидаться разлива. В одну ночь после сильного, очень тёплого дождя воды прибавилось сразу на метр, и отчего-то невидимый ранее город

Кострома с белыми зданиями показался так отчётливо, будто раньше он был под водой и только теперь из-под неё вышел на свет. Тоже и горный берег Волги, раньше терявшийся в снежной близине, теперь возвышался над водой, жёлтый от глины и песка. Несколько деревень на холмиках были кругом обойдены водой и торчали, как муравейники.

На великом разливе Волги там и тут виднелись копсечки незалитой земли, иногда голые, иногда с кустарником, иногда с высокими деревьями. Почти ко всем этим копсечкам жались утки разных пород, и на одной косе длинным рядом, один к одному, гляделись в воду гуси-гуменники.

Там, где земля была совсем затоплена и от бывшего леса торчали только вершинки, как частая шерсть, всюду эти шерстинки покрывались разными зверьками. Зверьки иногда сидели на ветках так густо, что обыкновенная какая-нибудь веточка ивы становилась похожа на гроздь чёрного крупного винограда.

Водяная крыса плыла к нам, наверно, очень издалека и, усталая, прислонилась к ольховой веточке. Лёгкое волнение воды пыталось оторвать крысу от её пристани. Тогда она поднялась немного по стволу, села на развилочку. Тут она прочно устроилась: вода не доставала её. Только изредка большая волна, «девятый вал», касалась её хвоста, и от этих прикосновений в воде рождались и уплывали кружочки.

А на довольно-таки большом дереве, стоящем, наверно, под водой на высоком пригорке, сидела жадная голодная ворона и выпскивала себе добычу. Невозможно бы ей было углядеть в развилочке водяную крысу, но на волне от соприкосновения с хвостом плыли кружочки, и вот эти-то кружочки и выдали вороне местопребывание крысы. Тут началась война не на живот, а на смерть.

Несколько раз от ударов клюва вороны крыса падала в воду, и опять взбиралась на свою развилочку, и опять падала. И вот совсем было уже удалось вороне схватить свою жертву, но тут крыса не желала стать жертвой вороны. Собрав последние силы, так ущипнула ворону, что из неё пух полетел, и так сильно, будто её дробью хватили. Ворона даже чуть не упала в воду и только с трудом справилась, ошалелая села на своё дерево и стала усердно оправлять свои перья, по-своему залечивать раны. Время от времени от боли своей, вспоминая о крысе, она оглядывалась на неё с таким видом, словно сама себя спраши-

вала: «Что это за крыса такая? Будто так никогда со мной и не бывало!»

Между тем водяная крыса после счастливого своего удара вовсе даже и забыла думать о вороне. Она стала навастривать бисерок своих глазок на желанный наш берег. Срезав себе веточку, она взяла её передними лапками, как руками, и зубами стала грызть, а руками повёртывать. Так она обглодала дочиста всю веточку и бросила её в воду. Новую же срезанную веточку она не стала глотать, а прямо с ней спустилась вниз и поплыла и потащила веточку на буксире. Всё это видела, конечно, хищная ворона и провожала храбрую крысу до самого нашего берега.

Однажды мы сидели у берега и наблюдали, как из воды выходили землеройки, полёвки, водяные крысы, и норки, и зайушки, и горностаюшки, и белки тоже сразу большой массой приплыли и все до одной держали хвостики вверх.

Каждую зверушку мы, как хозяева острова, встречали, принимали с родственным вниманием и, поглядев, пропустили бежать в то место, где полагается жить её породе. Но напрасно мы думали, что знаем всех наших гостей. Новое знакомство началось словами Зиночки.

— Поглядите, — сказала она, — что же это делается с нашими утками!

Эти наши утки выведены от диких, и мы возили их для охоты: утки кричат и подманывают диких селезней на выстрел. Глянули на этих уток и видим, что они отчего-то стали много темнее и, главное, много толще.

— Отчего это? — стали мы гадать, додумываться.

И пошли за ответом на загадку к самим уткам. Тогда оказалось, что для бесчисленного множества плывущих по воде в поисках спасения паучков, букашек и всяких

насекомых наши утки были двумя островами, желанной сушей. Они взбирались на плавающих уток в полной уверенности, что наконец-то достигли надёжного пристанища и опасное странствование их по водам кончено. И так их было много, что утки наши толстели и толстели заметно у нас на глазах.

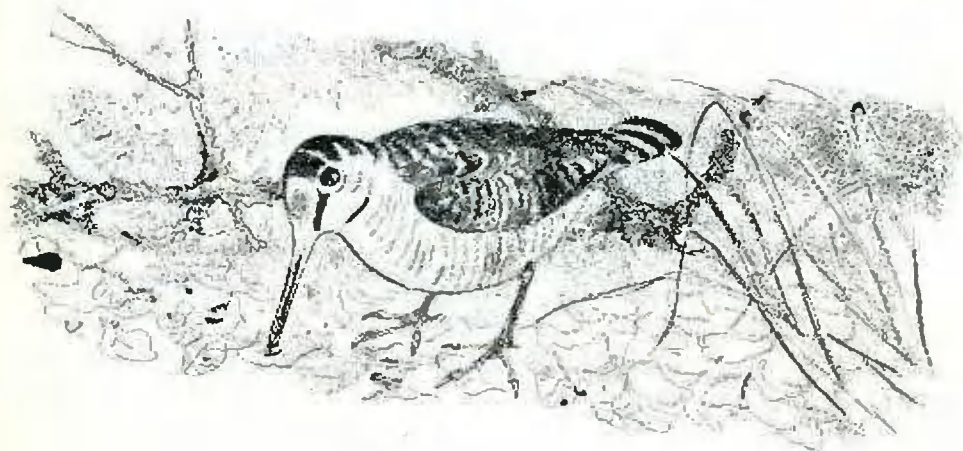
Так наш берег стал островом спасения для всех зверей — больших и маленьких.

Вальдшнеп

Весна движется, но медленно. В озерке, ещё не совсем растаявшем, лягушки высупулись и урчат. Орех цветёт, но ещё не пылят жёлтой пыльцой его серёжки. Птичка на лету зацепит веточку, и не полетит от веточки жёлтый дымок.

Исчезают последние клочки снега в лесу. Листва изпод снега выходит плотно слежалая, серая.

Неподалёку от себя я разглядел птицу такого же цвета, как эта прошлогодняя листва, с большими чёрными выра-

зительными глазами и носом длинным, не менее половины карандаша.

Мы сидели неподвижно; когда вальдшнеп уверился, что мы неживые, он встал на ноги, взмахнул своим карандашом и ударил им в горячую прелую листву.

Невозможно было увидеть, что он там достал себе из-под листвы, но только мы заметили, что от этого удара в землю сквозь листву у него на носу остался один круглый осиновый листик.

Потом прибавился ещё и ещё. Тогда мы спугнули его; он полетел вдоль опушки, совсем близко от нас, и мы успели сосчитать: на клювике у него было надето семь старых осиновых листиков.

Трясогузка

Каждый день мы ждали любимую нашу вестницу весны — трясогузку, и вот наконец и она прилетела и села на дуб, и долго сидела, и я понял, что это наша трясогузка, что тут она где-нибудь и жить будет. Я теперь легко узнаю, наша это птичка, будет ли она тут с нами вблизи где-нибудь жить всё лето или полетит дальше, а тут села она лишь отдохнуть.

Вот скворец наш когда прилетел, то нырнул прямо в своё дупло и запел, трясогузка же наша с прилёту прибежала к нам под машину. Молодая наша собачка Сват стала прилаживаться, как бы её обмануть и схватить.

С передним чёрным галстучком, в светло-сером, отлично натянутом платьице, живая, насмешливая, она проходила под самым носом Свата, делая вид, будто вовсе не замечает его. Вот он бросается на изящную птичку со всей своей собачьей страстью, но она отлично знает собачью

природу и приготовлена к нападению. Она отлетает всего на несколько шагов.

Тогда он, вцеливаясь в неё, опять замирает. А трясогузка глядит прямо на него, раскачивается на своих тоненьких пружинистых ножках и только что не смеётся вслух, только что не выговаривает:

«Да ты мне, милый, не сват, не брат».

И наступает иногда на Свата прямо рысцой.

Спокойная пожилая Лада, неподвижная, замирала, как на стойке, и наблюдала игру; она не делала ни малейшей попытки вмешиваться. Игра продолжалась и час и больше. Лада следила спокойно, как и мы, за противниками. Когда птичка начинала наступать, она переводила свой зоркий глаз на Свата, стараясь понять, поймает он или же птичка опять покажет ему свой длинный хвост.

Ещё забавнее было глядеть на птичку эту, всегда весёлую, всегда дельную, когда снег с песчаного яра над рекой стал сползать. Трясогузка зачем-то бегала по песку возле самой воды. Пробежит и напишет на песке строчку своими тонкими лапками. Бежит назад, а строчка, глядишь, уже под водой. Тогда пишется новая строчка, и так почти непрерывно весь день: вода прибывает и хоронит написанное. Трудно узнать, каких жучков-паучков вылавливала наша трясогузка.

Когда вода стала убывать, песчаный берег снова открылся, на нём была целая рукопись, написанная лапкой трясогузки, но строчки были разной ширины, и вот почему: вода прибывала медленно — и строчки были чаще, вода быстрее — и строчки шире.

Так по этой записи трясогузкиной лапки на мокром песке крутого берега можно было понять, была ли эта весна дружная или движение воды ослаблялось морозами.

Очень мне хотелось снять аппаратом птичку-писателя за её работой, но не удалось. Неустанно она работает и в то же время наблюдает меня скрытым глазом. Увидит — и пересаживается подальше без всякого перерыва в работе. Не удавалось мне снять её и в сухих дровах, сложенных на берегу, где она хотела устроить себе гнёздышко. Вот однажды, когда мы за ней охотились безуспешно с фотоаппаратом, пришёл один старичок, засмеялся, глядя на нас, и говорит:

— Эх вы, мальчики, птичку не понимаете!

И велел нам скрыться, присесть за нашим штабелем дров.

Не прошло десяти секунд, как любопытная трясогузка прибежала узнать, куда мы делись. Она сидела сверху над нами в двух шагах и трясла своим хвостиком в величайшем изумлении.

— Любопытная она, — сказал старичок, и в этом была вся разгадка.

Мы проделали то же самое несколько раз, приладились, спугнули, присели, навели аппарат на одну веточку, выступающую из поленницы, и не ошиблись: птичка проскакала вдоль всей поленницы и села как раз на эту веточку, а мы её сняли.

Отражение

Мы идём с Ладой — моей охотничьей собакой — вдоль небольшого озера. Вода сегодня такая тихая, что летящий кулик и его отражение в воде были совершенно одинаковы: казалось, летели нам навстречу два кулика. Весной в первую прогулку Ладе разрешается гоняться за птичками. Она заметила двух летящих куликов — летели прямо на неё, скрытую от них кустиком. Лада наметилась. Какого она выберет себе: настоящего, летящего над

водой, или его отражение в воде — оба ведь схожи между собой как две капли воды. Вот бедная Лада выбирает себе отражение и, наверное думая, что сейчас поймает живого кулика, с высокого берега делает скачок и бухается в воду.

А верхний, настоящий, кулик улетает.

Гости

Сегодня с утра стали собираться к нам гости. Первая прибежала трясогузка, просто так, чтобы только на нас посмотреть. Прилетел к нам в гости журавль и сел на той стороне речки, в жёлтом болоте, среди кочек, и стал там разгуливать.

Ещё скопа прилетела, рыбный хищник — нос крючком, глаза зоркие, светло-жёлтые, высматривала себе добычу сверху, останавливалась в воздухе для этого и пряла крыльями.

Коршун с круглой выемкой на хвосте прилетел и парил высоко.

Прилетел болотный лунь, большой любитель птичьих яиц. Тогда все трясогузки помчались за ним, как комары. К трясогузкам вскоре присоединились вороны и множество птиц, стерегущих свои гнёзда, где выводились птенцы. У громадного хищника был жалкий вид: этакая машина — и улещётывает от птичек во все лопатки.

Неустанно куковала в бору кукушка.

Цапля вымахнула из сухих старых тростников.

Болотная овсянка пикала и раскачивалась на одной топенькой тростинке.

Землеройка пискнула в старой листве.

И когда стало ещё теплее, то листья черёмухи, как

птички с зелёными крылышками, тоже, как гости, прилетели и сели на голые веточки.

Ранняя ива распушилась, и к ней прилетела пчела, и шмель загудел, и первая бабочка сложила крылышки.

Гусь запускал свою длинную шею в заводь, доставал себе воду клювом, поплёскивал водой на себя, почёсывал что-то под каждым пером, шевелил подвижным, как на пружине, хвостом. А когда всё вымыл, всё вычистил, то поднял вверх к солнцу высоко свой серебряный, мокро сверкающий клюв и загоготал.

Гадюка просыхала на камне, свернувшись в колечко.

Лисица лохматая озабоченно мелькнула в тростниках.

И когда мы сняли палатку, в которой у нас была кухня, то на место палатки прилетели овсянки и стали что-то клевать. И это были сегодня наши последние гости.

Лоси

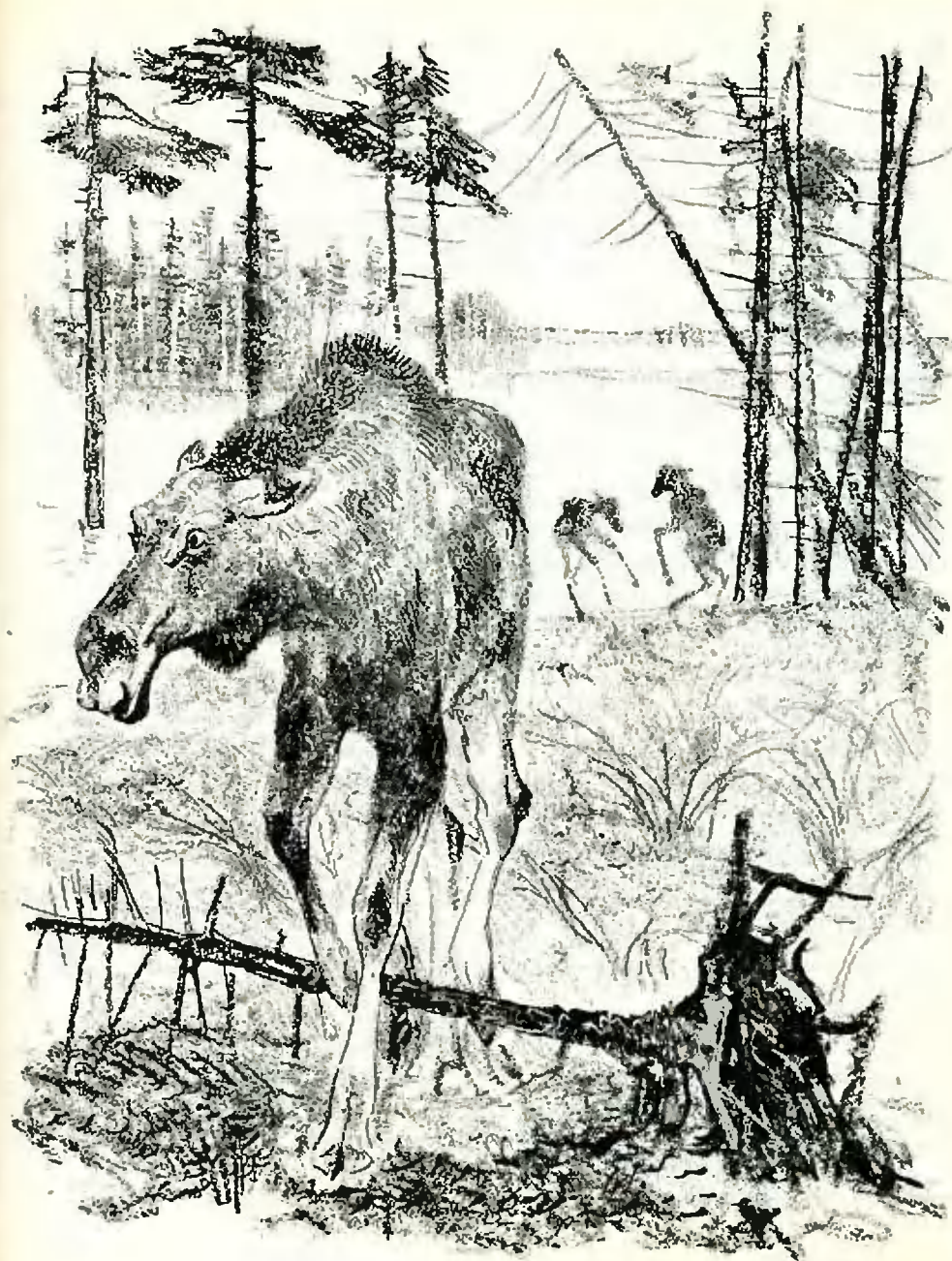
Как-то вечером к нашему костру пришёл дед из ближайшей деревни и стал нам рассказывать о лосях разные охотничьи истории.

— Да какие они, лоси-то? — спросил кто-то из нас.

— Хорошенькие, — ответил дед.

— Ну какие же они хорошенькие! — сказал я. — Огромные, а ножки тонкие, голова носатая, рога как лопаты — скорее, безобразные.

— Очень хорошенькие, — настаивает дед. — Раз было, по убылой воде, вижу, лосиха плывёт с двумя лосятками. А я за кустом. Хотел было бить в неё из ружья, да подумал: деться ей некуда, пусть выходит на берег. Ну вот, она плывёт, а дети за ней не поспевают, а возле берега

мелко: она идёт по грязи, а они тонут, отстали. Мне стало забавно. Возьму-ка, думаю, покажусь ей: что, убежит она или не кинет детей?

— Да ведь ты же убить её хотел?

— Вот вспомнил! — удивился дед. — Я в то время забыл, всё забыл, только одно помню: убежит она от детей или то же и у них, как у нас. Ну, как вы думаете?

— Думаю, — сказал я, вспоминая разные случаи, — она отбежит к лесу и оттуда, из-за деревьев или с холма, будет наблюдать или дожидаться...

— Нет, — перебил меня дед. — Оказалось, у них, как и у нас. Мать так яро на меня поглядела, а я на неё острогой махнул. Думал — убежит, а лосёнков я себе захвачу. А ей хоть бы что — и прямо на меня идёт, и яро глядит. Лосята ещё вытаскивают ножонки из грязи. И что же вы подумаете? Что они делать стали, когда вышли на берег?

— Мать сосать?

— Нет, как вышли на берег — прямо играть. Шагов я на пять подъехал к ним на ботничке и гляжу, и гляжу — чисто дети. Один был особенно хорош. Долго играли, а когда наигрались, то к матке, и она их повела, и пошли они покойно, пошли и пошли...

— И ты их не тронул?

— Так вот и забыл, как всё равно мне руки связали. А в руке острога. Стоило бы только двинуть рукой...

— Студень-то какой! — сказал я.

Дед с уважением поглядел на меня и ответил:

— Студень из лосёнков правда хорош. Только уж такие они хорошенькие... Забыл и про студень!

Ёж

Этот тёплый дождь с грозой расшевелил и ёжика, спавшего всю зиму в кусту, под толстым слоем листвы. Ёж стал развёртываться, а листва над ним подниматься. Я раз это видел своими глазами, и мне даже немножко страшно стало: сама ведь поднимается листва.

Вот он развернулся и мохнатенькую мордочку с чёрным собачьим носиком высунул. Только высунул, вдруг ветер шевельнул старыми дубовыми листьями, и вышло из этого шума явственно:

— Ё-ш-ш-ш! (Ёж.)

Как тут не испугаться! В одно мгновение ёж свернулся клубочком и сколько-то времени пролежал так, будто нет его, серого, в серой листве. Когда же времени прошло довольно, ёж опять стал развёртываться, но опять, только поднялся на ноги и маленькой спинкой, густо уснащённой колючками, тронулся, вдруг из тех же дубовых сухих листьев шепнуло:

— Ёж! Куда ты идёшь?

И так было несколько раз, пока ёж привык и пошёл. Всё происходило в большой близости от нашего домика на колёсах, и не мудрено, что ёж попал под машину, где на старой ватной кофте крепко спал наш Сват. Ёжику эта кофта очень понравилась: совсем сухо, тепло, и вот тут даже есть дырочка, куда можно залезть. Но только он стал туда залезать, вдруг Сват почувал ежа.

— Ёж! Куда ты идёшь?

И началось, и началось! А ёж, поддав колючками в нос Свату, залез в дырочку и скоро так глубоко продвинулся в рукаве, что дальше идти было некуда: рукав в конце был очень узок.

— Ёж! Куда ты идёшь? — ревел Сват.

А ежу — ни вперёд, ни назад: впереди узко, позади Сват.

Разобрав, в чём дело, мы ватную кофту перенесли в наш дом, рассчитывая, что следующей ночью ёж уложит гладко свои колючки и как-нибудь выпятится. Может быть, кофта ему понравится и станет ежовым гнездом.

Устроив своего нового жильца, мы тут же спели ему плясовую народную песенку:

Ёж, ёж, куда ты идёшь?

А он отвечает:

К вам, девушки, гулять,
Себе жену выбрать!

Разговор деревьев

Почки раскрываются, шоколадные, с зелёными хвостиками, и на каждом зелёном клювике висит большая прозрачная капля.

Возьмёшь одну почку, разотрёшь между пальцами, и потом долго всё пахнет тебе ароматной смолой берёзы, тополя или черёмухи.

Понюхаешь черёмуховую почку и сразу вспомнишь, как, бывало, забирался наверх по дереву за ягодами, блестящими, чёрно-лаковыми. Ел их горстями прямо с косточками, но ничего от этого, кроме хорошего, не бывало.

Вечер тёплый, и такая тишина, словно должно что-то в такой тишине случиться. И вот начинают шептаться между собой деревья: берёза белая с другой берёзой белой издали перекликаются; осинка молодая вышла на поляну,

как зелёная свечка, и зовёт к себе такую же зелёную свечку-осинку, помахивая веточкой; черёмуха черёмухе подаёт ветку с раскрытыми почками.

Если с нами сравнить — мы звуками перекликаемся, а у них — аромат.

Этажи леса

У птиц и зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях — в самом низу; разные птички, вроде соловья, вьют свои гнёздышки прямо на земле; дрозды — ещё повыше, на кустарниках; дупляные птицы — дятел, синички, совы — ещё повыше; на разной высоте по стволу дерева и на самом верху селятся хищники: ястреба и орлы.

Мне пришлось однажды наблюдать в лесу, что у них, зверушек и птиц, с этажами не как у нас в небоскрёбах: у нас всегда можно с кем-нибудь перемениться, у них каждая порода живёт непременно в своём этаже.

Однажды на охоте мы пришли к полянке с погибшими берёзами. Это часто бывает, что берёзы дорастут до какого-то возраста и засохнут. Другое дерево, засохнув, роняет на землю кору, и оттого непокрытая древесина скоро гниёт и всё дерево падает; у берёзы же кора не падает: эта смолистая, белая снаружи кора — берёста — бывает непроницаемым футляром для дерева, и умершее дерево долго стоит, как живое.

Даже когда и сгниёт дерево и древесина превратится в труху, отяжелённую влагой, с виду белая берёза стоит, как живая. Но стоит, однако, хорошенько толкнуть такое дерево, как вдруг оно разломится всё на тяжёлые куски и

падает. Валить такие деревья — занятие очень весёлое, но и опасное: куском дерева, если не увернёшься, может здорово хватить тебя по голове. Но всё-таки мы, охотники, не очень боимся и когда попадаем к таким берёзам, то друг перед другом начинаем их рушить.

Так пришли мы к полянке с такими берёзами и обрушили довольно высокую берёзу. Падая, в воздухе она разломилась на несколько кусков, и в одном из них было дупло с гнездом гаечки. Маленькие птенчики при падении дерева не пострадали, только вместе со своим гнёздышком вывалились из дупла. Голые птенцы, покрытые пёнышками, раскрывали широкие красные рты и, принимая нас за родителей, пищали и просили у нас червячка. Мы раскопали землю, нашли червячков, дали им перекусить; они ели, глотали и опять пищали.

Очень скоро прилетели родители, гаечки-синички, с белыми пухлыми щёчками и с червячками во ртах, сели на рядом стоящих деревьях.

— Здравствуйтесь, дорогие, — сказали мы им, — вышло несчастье: мы этого не хотели.

Гаечки ничего не могли нам ответить, но, самое главное, не могли понять, что такое случилось, куда делось дерево, куда исчезли их дети.

Нас они несколько не боялись, порхали с ветки на ветку в большой тревоге.

— Да вот же они! — показывали мы им гнездо на земле. — Вот они, прислушайтесь, как они пищат, как зовут вас!

Гаечки ничего не слушали, суетились, беспокоились и не хотели спуститься вниз и выйти за пределы своего этажа.

— А может быть, — сказали мы друг другу, — они нас боятся. Давай спрячемся! — И спрятались.

Нет! Птенцы пищали, родители пищали, порхали, но вниз не спускались.

Мы догадались тогда, что у птичек не как у нас в небоскрёбах, они не могут перемениться этажами: им теперь просто кажется, что весь этаж с их птенцами исчез.

— Ой-ой-ой, — сказал мой спутник, — ну какие же вы дурачки!..

Жалко стало и смешно: такие славные и с крылышками, а понять ничего не хотят.

Тогда мы взяли тот большой кусок, в котором находилось гнездо, сломали верх соседней берёзы и поставили на него наш кусок с гнездом как раз на такую высоту, на какой находился разрушенный этаж. Нам недолго пришлось ждать в засаде: через несколько минут счастливые родители встретили своих птенчиков.

Живая ночь

Стало быстро теплеть, пришли тучи летние, грянул первый гром, и лягушки, все, какие только были в лужах, заволновались так сильно, что от них заволновалась вода...

После того как пролил тёплый дождь, Петя занялся рыбой: он поставил в торфяном пруду сети на карасей и место, где были у него сети, заметил по маленьким берёзам; там на берегу около сетей стояло десять маленьких, в рост человека, берёзок. Веточки их ещё были голые, без листьев.

Солнце садилось пухлое, и, когда село, началась живая ночь: пели все соловьи, все лягушки орали...

Но так часто на свете бывает, что, когда всем хорошо,

бедному человеку приходит в голову бедная мысль и не даёт ему радоваться. Пете тоже не спалось, и вот пришло ему в голову, что пришли воры и унесли сети. Вот почему Петя на рассвете бежит к своим сетям и уже издали видит, что там, где он сети поставил, теперь стоят люди — верно, воры.

В ужасной злобе бежит он туда и вдруг останавливается, улыбается, ему стыдно: это не люди — это за ночь те десять берёзок оделись в зелень и будто люди стоят...

Когда же он вынул свою первую сеть, в ней было шестьдесят три карася.

Петин башмак

Был с нами в это путешествие такой случай: Сват, молодой спаниель, играя, унёс у Пети башмак в чащу и закопал. Сколько мы ни искали, найти не могли. Пустились на хитрости — дали ему другой башмак в чайнии, что он принесёт его к первому и закопает на том же месте, а мы подглядим. Он не отказался, схватил другой башмак, скрылся в чаще, а пока мы разыскивали, успел второй башмак закопать. В напрасных поисках с досадой я сказал Пете, придумавшему эту хитрость:

— Никакой пользы, Петя, хитрость твоя не принесла: мы лишились второго башмака.

— Но и вреда никакого, — ответил Петя. — Всё равно в одном башмаке далеко не уйдёшь.

На эти слова я стал горячо возражать: незадолго перед тем в поисках зимовалой клюквы у нас нашёлся довольно-таки свежий лапоть.

— Вот если бы, — говорил я, — у нас был бы теперь и башмак, то можно было бы — одна нога в башмаке, другая в лапте — ходить отлично по болоту за ягодами.

Около гнезда

Сарыч, когда низко летит над лесом, никогда в это время почему-то не свистит, как обыкновенно, а кряхтит. Этот звук у него, наверно, связан с кормлением детей, это он приближается к своему гнезду.

Почти каждая птица, появляясь с червём в носу, несмотря на это, пищит. Сегодня я наблюдал, как гаечка, не выпуская червяка, присела на сучок отдохнуть и почесала в одно мгновение о сучок попеременно обе щеки.

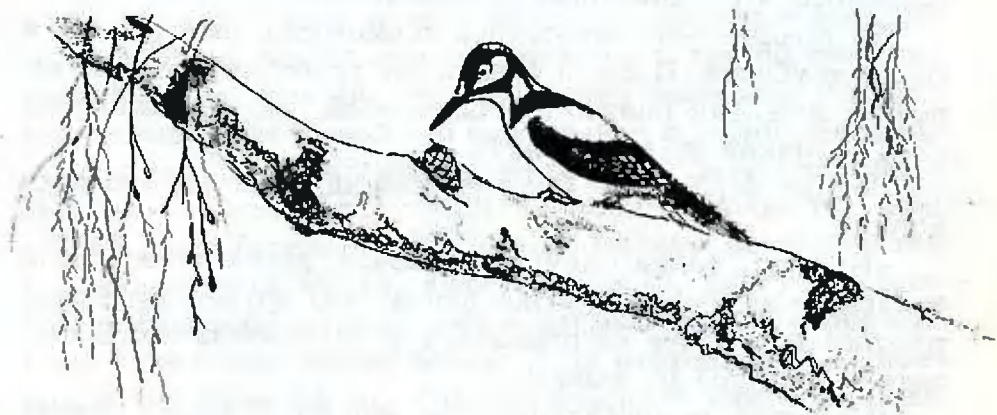
Рябчики выпорхнули и расселись по ёлкам и берёзкам, маленькие, с воробья, а уже отлично лётные и сторожкие, совсем как большие. Мать близко сидит на берёзе, очень сдержанно и глухо даёт им знать о себе, и, когда издаёт звук, хвостик у неё покачивается.

Дятел

Видел дятла: короткий — хвостик ведь у него маленький, летел, насадив себе на клюв большую еловую шишку. Он сел на берёзу, где у него была мастерская для шелушенья шишек. Пробежал вверх по стволу с шишкой на клюве до знакомого места. Вдруг видит, что в развилине, где у него заземляются шишки, торчит отработанная и несброшенная шишка и новую шишку некуда девать. И — горе какое! — нечем сбросить старую: клюв-то занят.

Тогда дятел, совсем как человек бы сделал, новую шишку зажал между грудью своей и деревом, освободил клюв и клювом быстро выбросил старую шишку. Потом новую поместил в свою мастерскую и заработал.

Такой он умный, всегда бодрый, оживлённый и деловой.

Щука

Мы поставили на ночь в реке ставные сети и вытащили наутро щуку. Она так запуталась в сетях, что стояла в воде неподвижная, как сук. И вот мы видим — лягушка села на неё и так присосалась, что мы долго не могли её оторвать от щуки даже палкой. Щука была живая.

Это сильный, страшный хищник, но достаточно было ей остановиться в своём движении, и самая маленькая лягушка не боялась ей на спину сесть.

Берестяная трубочка

Я нашёл удивительную берестяную трубочку. Когда человек вырежет себе кусок берёсты на берёзе, остальная берёста около пореза начинает свёртываться в трубочку. Трубочка высохнет, туго свернётся. Их бывает на берёзах так много, что и внимания не обращаешь.

Но сегодня мне захотелось посмотреть, нет ли чего в такой трубочке. И вот в первой же трубочке я нашёл хороший орех, так плотно прихваченный, что с трудом удалось палочкой его вытолкнуть.

Вокруг берёзы не было орешника. Как же он туда попал?

«Наверно, белка его туда спрятала, делая зимние свои запасы, — подумал я. — Она знала, что трубка будет всё плотнее и плотнее свёртываться и всё крепче прихватывать орех, чтоб не выпал».

Но после я догадался, что это не белка, а птица ореховка воткнула орех, может быть украв из гнезда белки.

Разглядывая свою берестяную трубочку, я сделал ещё одно открытие: под прикрытием ореха поселился — кто бы мог подумать? — паучишко и всю внутренность трубочки затанул своей паутинкой.

Верхоплавни

На воде дрожит золотая сеть солнечных зайчиков. Тёмно-синие стрекозы в тростниках и ёлочках хвоща. И у каждой стрекозы есть своя хвощовая ёлочка или тростинка: слетит и на неё непременно возвращается.

Очумелые вороны вывели птенцов и теперь сидят, отдыхают.

Листик, самый маленький, на паутинке спустился к реке и вот крутится, вот-то крутится...

Так я еду тихо вниз по реке на своей лодочке, а лодочка у меня чуть потяжелее этого листика, сложена из пятидесяти двух палочек и обтянута парусиной. Весло к ней одно: длинная палка и на концах по лопаточке. Каждую лопаточку окунаешь попеременно с той и другой стороны. Такая лёгкая лодочка, что не нужно никакого усилия: тронул воду лопаточкой — и она плывёт, и до того неслышно плывёт, что рыбки ничуть не боятся. Чего-чего только не увидишь, когда тихо едешь на такой лодочке по реке!

Вот грач, перелетая над рекой, капнул в воду, и эта известково-белая капля, тукнув по воде, сразу же привлекла внимание мелких рыбок верхоплавков. В один миг вокруг грачиной капли собрался из верхоплавков настоящий базар. Заметив это сборище, крупный хищник — рыба шелеспёр — подплыл и хватил своим хвостом по воде с такой силой, что оглушённые верхоплавки перевернулись

вверх животами. Они бы через минуту ожили, но шелес-
пёр не дурак какой-нибудь: он знает, что не так-то часто
случается, чтоб грач капнул и столько дурочек собралось
вокруг одной капли; хватать одну, хватать другую — много
поел, а какие успели убраться, впредь будут жить, как
учёные, и если сверху им капнет что-нибудь хорошее, бу-
дут в оба глядеть, не пришло бы им снизу чего-нибудь
скверного.

Барсучьи норы

Оттого лес называется тёмным, что солнце смотрит в него сквозь вершины деревьев, как в оконце, но не всё в лесу увидит.

Так, нельзя ему увидеть барсучьи норы и возле них хорошо утрамбованную песчаную площадку, где катаются молодые барсучата. Нор тут нарыто барсуками множество. Зачем же им столько нор? А всё из-за лисы, которая любит селиться в готовых квартирках и неопрятностью своею выживает хозяев — барсуков.

Уйти бы барсукам на новое место, подальше от непрошеной гостыи. Но место замечательное, переменить не хочется: песчаный холм, со всех сторон овраги, и всё такой чащей заросло, что солнце смотрит и ничего увидеть не может в своё оконце. Вот и роют барсуки новые норки.

Красные шишки

В солнечное летнее утро вхожу я в лес.

— Здравствуйте, знакомые ёлочки, как поживаете, что нового?

И они отвечают по-своему, что всё благополучно, что за это время молодые красные шишки дошли до половины настоящей величины.

И это правда, это можно проверить: старые, бурые, пустые, висят рядом с молодыми, красными, на деревьях; можно сосчитать, и выйдет как раз половина.

Лесной шатёр

Столетние усилия дерева сделали своё: верхние ветки свои эта ель вынесла к свету, но нижние ветки-детки, сколько ни тащила их навверх матушка, остались внизу, сложились шатром, поросли зелёными бородами, и под этим непроницаемым для дождя и света шатром поселился...

Кто там поселился?

Мы возвращались с охоты мимо этой ёлки. Лада что-то почуяла внутри дерева и стала. Мы думали: выскочит или вылетит?

— Наверно, вылетит тетерев, — шепнул Петя.

И стал смотреть вверх.

— А я думаю, — шепнул я, — заяц выбежит.

И стал смотреть вниз.

Лада стояла.

— Вперёд! — приказал я.

Но она вперёд не шла. И это значило, что дальше нельзя двигаться, что зверь или птица сидит тут же, за первой еловой лапкой.

— Я ударю ногой по этой лапке, — сказал Петя, — а ты стреляй.

«Выскочит или вылетит?» — думал я.

И перекидывал глаза то вниз, то вверх.

Петя ударил по лапке ногой — ничего не выбежало и ничего не вылетело, но зашипело и затукало, как маленький мотоцикл.

Лада ткнулась и заорала: она себе наколола нос о колючки ежа.

Так ничего не выбежало и не вылетело: это был ёж.

Пень-муравейник

Гуляя сегодня с Зиной в лесу, мы набрали на старый пень, весь покрытый, как швейцарский сыр, дырочками. Пень казался очень прочным, и Зина моя уселась на него отдохнуть. Только села — перегородки между дырочками под её тяжестью разрушились и пень под ней осел, как подушка.

— Скорей вставай! — закричал я.

Когда Зина вскочила, мы увидели, как из каждой дырочки пня выползло множество муравьёв: ноздреватый пень оказался сплошным муравейником и только сохранил обличье пня.

Филин

Ночью злой хищник филин охотится, днём прячется. Говорят, будто днём он плохо видит и оттого прячется. А по-моему, если бы он и хорошо видел, всё равно ему бы днём нельзя было никуда показаться — до того своими ночными разбоями нажил он себе много врагов.

Однажды я шёл опушкой леса. Моя небольшая охотничья собака, породы спаниель, а по прозвищу Сват,

что-то причуяла в большой куче хвороста. Долго с лаем бегал он вокруг кучи, не решаясь подлезть под неё.

— Брось! — приказал я. — Это ёж.

Так у меня собачка приучена: скажу «ёж», и Сват бросает.

Но в этот раз Сват не послушался и с ожесточением бросился на кучу и ухитрился подлезть под неё.

«Наверно, ёж», — подумал я.

И вдруг с другой стороны кучи, под которую подлез Сват, из-под неё выбегает на свет филин, ушастый и огромных размеров и с огромными кошачьими глазами.

Филин на свету — это огромное событие в птичьем мире. Бывало, в детстве приходилось попадать в тёмную комнату — чего-чего там не покажется в тёмных углах, и больше всего я боялся чёрта. Конечно, это глупости, и никакого чёрта нет для человека. Но у птиц, по-моему, чёрт есть — это их ночной разбойник филин.

И когда филин выскочил из-под кучи, то это было для птиц всё равно, как если бы у нас на свету чёрт показался.

Единственная ворона была, пролетала, когда филин, согнувшись, в ужасе перебежал из-под кучи под ближайшую ёлку. Ворона увидела разбойника, села на вершину этой ёлки и крикнула совсем особенным голосом:

— Кра!

До чего это удивительно у ворон! Сколько слов нужно человеку, а у них одно только «кра» — на все случаи, и в каждом случае это словечко всего только в три буквы благодаря разным оттенкам звука означает разное. В этом случае воронье «кра» означало, как если бы мы в ужасе крикнули:

— Чёр-р-р-р-рт!

Страшное слово прежде всего услышали ближайšie вороны и, услышав, повторили, и более отдалённые, услышав, тоже повторили, и так в один миг несметная стая, целая туча ворон с криком «Чёрт!» прилетела и облепила высокую ёлку с верхнего сучка и до нижнего.

Услышав переполох в вороньем мире, тоже со всех сторон прилетели галки чёрные с белыми глазами, сойки бурые с голубыми крыльями, ярко-жёлтые, почти золотые иволги.

Места всем не хватило на ёлке, много соседних деревьев покрылось птицами, и всё новые и новые прибывали: синички, гаечки, московки, трясогузки, пеночки, зорянки и разные подкрапивнички.

В это время Сват, не понимая, что филин давно уже выскочил из-под кучи и прошмыгнул под ёлку, всё там орал и копался под кучей. Вороны и все другие птицы глядели на кучу, все они ждали Свата, чтобы он выскочил и выгнал филина из-под ёлки.

Но Сват всё возился, и нетерпеливые вороны кричали ему слово:

— Кра!

В этом случае это означало просто:

— Дурак!

И наконец, когда Сват причуял свежий след и вылетел из-под кучи и, быстро разобравшись в следах, направился к ёлке, все вороны в один общий голос опять крикнули по-нашему:

— Кра!

А по-ихнему это значило:

— Правильно!

И когда филин выбежал из-под ёлки и стал на крыло, опять вороны крикнули:

— Кра!

И это теперь значило:

— Брать!

Все вороны поднялись с дерева, вслед за воронами все галки, сойки, иволги, дрозды, вертишейки, трясогузки, щеглы, синички, гаечки, москвички, и все эти птицы помчались тёмной тучей за филином и все орали одно только:

— Братъ, братъ, братъ!

Я забыл сказать, что, когда филин становился на крыло, Сват успел-таки вцепиться зубами в хвост, но филин рванулся, и Сват остался с филиновыми перьями и пухом в зубах. Озлобленный неудачей, он помчался полем за филином и первое время бежал, не отставая от птиц.

— Правильно, правильно! — кричали ему некоторые вороны.

И так вся туча птиц скоро скрылась на горизонте, и Сват тоже исчез за перелеском. Чем всё кончилось, не знаю.

Сват вернулся ко мне только через час с филиновым пухом во рту. И ничего не могу сказать, тот ли это пух у него остался, который взял он, когда филин на крыло становился, или же птицы доконали филина и Сват помогал им в расправе со злодеем.

Что не видал, то не видал, а врать не хочу.

Цветущие травы

Как рожь на полях, так в лугах тоже зацвели все злаки, и когда злачинку покачивало насекомое, она окутывалась пылью, как золотым облаком.

Все травы цветут, и даже подорожник. Какая трава подорожник, а тоже весь в белых бусинках. Раковые шейки, медуницы, всякие колоски, пуговки, шишечки на тонких стебельках приветствуют нас. Сколько их прошло, пока мы столько лет жили, и не узнать: кажется, всё те же шейки, колоски, старые друзья. Здравствуйте, милые, здравствуйте!

Старый дед

У старого огромного пня я сел прямо на землю, пень внутри совершенная труха, только эту труху держит твёрдая крайняя древесина. А из трухи выросла берёзка и распустилась. И множество цветущих трав поднимается с земли к этому огромному пню, как к любимому деду...

На самом пне, на одном только светлом солнечном пятнышке, на горячем месте, я сосчитал десять кузнечиков, две ящерицы, шесть больших мух, две жужелицы. Вокруг высокие папоротники собрались, как гости.

А когда в гостиную у старого пня ворвётся самое нежное дыхание ветра, один папоротник наклонится к другому, шепнёт что-то, и тот шепнёт третьему, и все гости обменяются мыслями. И снова тишина.

Землеройка

— Мы ходим с тобою в лесу, — сказал я Зиночке, — а может быть, под каждым шагом нашим в земле живёт один или два зверька.

— Давай выроем ямку и увидим, кто в ней живёт, — предложила Зиночка.

— Зверёк убежит от нас подземным ходом, прежде чем мы его обнаружим, — ответил я. — А вот лучше давай выроем канавку с отвесными стенками, уж кто-нибудь ночью в неё попадёт, а если он маленький, то, может, из нашей канавки и не вылезет.

Мы так и сделали.

И вот утром нашли в нашей канавке маленькое животное, величиною с напёрсток, — землеройку. мехом своим похожа на крота: мех ровный, гладкий, с синеватым отливом. На мышь совсем не похожа, рыльце хоботком, страшно живая. Посадили в банку — прыгает высоко. Дали ей червя — сразу съела, будто век свой в банке жила.

Мы слышали, что прямой солнечный луч убивает землеройку — она ведь подземный житель. Вот и задумали мы испытать, правда ли это, а потом взвесить её, смерить, исследовать внутренности, положить потом в муравейник. Муравьи быстро очистят скелет, а мы его изучим.

Потом задумали поймать крота и посадить вместе с землеройкой в банку. Да мало ли чего мы ещё задумали!

Но в это время землеройка подпрыгнула на двадцать сантиметров в высоту, перепрыгнула через край банки и очутилась на земле.

А земля ей — что рыбе вода: землеройка мгновенно исчезла.

Долго этот исчезнувший крохотный зверёк не отпускал нашу мысль на свободу и всё её держал под землёй, где живут корни деревьев и между корнями всякие неведомые нам существа.

Силач

Муравьи разрыхлили землю, сверху она поросла брусникой, а под ягодой зародился гриб. Мало-помалу, напирая своей упругой шляпкой, он поднял вверх над собой целый свод с брусникой и сам, совершенно белый, показался на свет.

Старый скворец

Скворцы вывелись и улетели, и давно уже их место в скворечнике занято воробьями. Но до сих пор на ту же яблоню в хорошее росистое утро прилетает старый скворец и поёт.

Вот страшно! Казалось бы, всё уже кончено, самка давно вывела птенцов, детёныши выросли и улетели... Для чего же старый скворец прилетает каждое утро на яблоню, где прошла его весна, и поёт?

Именины осинки

Шиповник, наверно, с весны ещё пробрался внутрь по стволу к молодой осинке, и вот теперь, когда время пришло осинке справлять свои именины, вся она вспыхнула красными благоухающими дикими розами.

Гудят пчёлы и осы. Басят шмели. Все летят поздравлять осинку и на этих больших именинах роски попить и домой медку захватить.

Полянка в лесу

Берёзки последнее своё золото сыпают на ели и на уснувшие муравейники. Я иду по лесной тропе, и осенний лес мне становится как море, а полянка в лесу — как остров. На этом острове стоит тесно несколько ёлок, под ними я сел отдохнуть.

У этих ёлок, оказывается, вся жизнь вверху. Там в богатстве шишек хозяйствует белка, птицы клесты и, наверно, ещё много неизвестных мне существ. Внизу же, под

елями, мрачно, черно, и только видишь, как летит шелуха: это белки и клесты шелушат еловые шишки и достают себе из них вкусные семечки. Из такого семечка выросла когда-то и та высокая ель, под которой я сейчас сижу.

Это семечко занёс когда-то ветер, и оно упало под берёзой между её обнажёнными корнями. Ёлочка стала расти, а берёза прикрывала её от ожогов солнца и морозов. Теперь эта ель обогнала берёзу и стоит рядом с ней, вершинка к вершинке, со сплетёнными корнями.

Тихо я сижу под ёлкой на середине лесной поляны. Слышу, как шепчутся, падая, осенние листики. Этот шелест падающих листьев будит спящих под деревьями зайцев, они встают и уходят куда-то из леса. Вот один такой вышел из густых ёлок и остановился, увидев большую полянку.

Слушает заяц, встал на задние лапки, огляделся: везде шелест, куда идти?

Не посмел идти прямо через поляну, а пошёл вокруг всей поляны, от берёзки к берёзке.

Кто боится чего-то в лесу, тот лучше не ходи, пока падают листья и шепчутся. Слушает заяц, и всё ему кажется, будто кто-то шепчется сзади и крадётся. Можно, конечно, и трусливому зайцу набраться храбрости и не оглядываться, но тогда как бы ему не попасть в настоящую беду: под шум листьев за ним лисица крадётся; не оглянется храбрый заяц на шелест, а тут тебя под шумок и схватит рыжая кумушка.

Осиннам холодно

В солнечный день осенью на опушке леса собрались молодые разноцветные осинки, густо одна к другой, как

будто им там в лесу стало холодно и они вышли погреться на солнышко, на опушку.

Так иногда в деревнях выходят люди посидеть на завалянке, отдохнуть, поговорить после трудового дня.

Осенняя роска

Заосеняло. Мухи стучат в потолок. Воробьи табуняются. Грачи собирают упавшие зёрна на убранных полях. Сороки семьями пасутся на дорогах. Росы по утрам холодные, серые.

Иная росинка в пазухе листа весь день просверкает.

Лученье рыбы

В конце сентября вода в Кубре стала прозрачная, и теперь всё видно на всей глубине. Видно, как лилия взялась расти и тонким стеблем своим потянулась вверх. Стебель — как зелёная верёвка: ни одного листика, а как дошла доверху, на воде раскинула листья, как блюда. Теперь эти листья пожелтели.

— Видела ли, Зиночка, — спросил я, — как рыба спит?

— Не видела, — ответила Зиночка.

— Не видела? Ну, вот вечером сегодня я тебе покажу. И может быть, ещё сегодня мы с тобой свежей рыбки попробуем. Тебе хочется?

— Судачка бы...

— Посчастливится, попробуем с тобой и судачка.

Мы с Зиночкой идём в сарай. Там из-под всякогохлама я достаю железное приспособление для лученья рыбы и рассказываю, для чего нужна эта коза: положат дрова

на козу и поставят на носу лодки, зажгут дрова — и коза тогда как подсвечник. Широко, от берега до берега, осветится наша Кубря, и глубоко будет видно, до самого дна.

— Это, — сказал я, — называется у рыбаков ездить с лучом или просто лучить. На что только луч ни ляжет, всё ночью станет красиво.

— Что же красивого?

— Всё красиво: тростники стоят как золотые.

— А ещё что?

— Внизу, в глубине под этими тростниками, леса водяных трав.

— А ещё?

— Ещё в воде у песчаного берега видишь всё дно, и камешки разные на дне, и ракушки, и даже следы на песке, извилистые тропинки, по которым ракушки ходят.

— Как же ходят ракушки?

— Не как мы, конечно: мы выходим из дома, а ракушка идёт — и весь дом с ней.

— А что ещё красиво?

— Ещё сам человек у воды с острогой.

— Что это за острога?

— Длинная палка, на ней грабли, и каждый зубчик в граблях с зазубринкой. Человек от огня весь красный. Это красиво.

— А ещё что?

— Смотрит человек в воду, держит острогу наготове. Вот он увидел: в воде рыба стоит. Человек быстро двинул острогой, ударил в рыбу, вынимает — и на зубах бьётся сверкающая в лучах большая рыба...

Вечером мы с Зиной вытащили двух судаков, и дома я её угостил свежей рыбкой.

Осенние листики

Перед самым восходом солнца на поляну ложится первый мороз.

Притаишься, подождать у края — что там делается на лесной поляне!

В полумраке рассвета приходят невидимые лесные существа и потом начинают по всей поляне расстилать белые холсты.

Первые же лучи солнца, являясь, убирают холсты, и остаётся на белом зелёное место. Мало-помалу белое всё растает, и только в тени деревьев и кочек долго ещё сохраняются беленькие клинышки.

На голубом небе между золотыми деревьями не поймёшь, что творится: уносит ветер листы или стайками собралась мелкие птички и несутся в тёплые далёкие края.

Ветер — заботливый хозяин. За лето везде побывает, и у него даже в самых густых местах не остаётся ни одного незнакомого листика.

А вот осень пришла — и заботливый хозяин убирает свой урожай.

Листья, падая, шепчутся, прощаясь навек. У них ведь так всегда: раз ты оторвался от родимого царства, то и прощайся, погиб.

Наш лагерь

Так мы стояли на месте лагерем. Но земля двигалась — вертелась к солнцу той и другой стороной. От этого дни сменяли ночи, и поутру мы встречали золотые деньки, а после дня наступали ночи, и вечером мы провожали солнышко за лесной стеной.

Земля вертелась и мчалась вокруг солнца, а от этого нам было сначала, будто мы из холодной северной страны едем на юг — так наша зима сменилась весной, а весна — летом. Потом из тёплой страны, нашего лета, мы поехали в холодную — наступила осень. И когда стала зима, мы вернулись в Москву.

II

О ЧЁМ ШЕПЧУТСЯ РАКИ

Дедушкин валенок

Хорошо помню — дед Михей в своих валенках проходил лет десять. А сколько лет в них он до меня ходил, сказать не могу. Поглядит, бывало, себе на ноги и скажет:

— Валенки опять проходились, надо подшить.

И принесёт с базара кусок войлока, вырежет из него подошву, подошьёт, и опять валенки идут, как новенькие.

Так много лет прошло, и стал я думать, что на свете всё имеет конец, всё умирает и только одни дедушкины валенки вечные.

Случилось, у деда началась сильная ломота в ногах. Никогда дед у нас не хворал, а тут стал жаловаться, позвал даже фельдшера.

— Это у тебя от холодной воды, — сказал фельдшер, — тебе надо бросить рыбу ловить.

— Я только и живу рыбой, — ответил дед. — ногу в воде мне нельзя не мочить.

— Нельзя не мочить, — посоветовал фельдшер, — надевай, когда в воду лезешь, валенки.

Этот совет вышел деду на пользу: ломота в ногах прошла. Но только после дед избаловался, в реку стал лазить только в валенках и, конечно, тёр их беспощадно о придошные камешки. Сильно подались от этого валенки, и не только в подошвах, а и выше, на месте изгиба подошвы, показались трещинки.

«Верно, это правда, — подумал я, — что всему на свете конец бывает, не могут и валенки деду служить без конца: валенкам приходит конец».

Люди стали деду указывать на валенки:

— Пора, дед, валенкам твоим дать покой, пора их отдать воронам на гнёзда.

Не тут-то было! Дед Михай, чтобы снег в трещинки не забивался, окунул их в воду — и на мороз. Конечно, на морозе вода в трещинках валенка замёрзла и лёд заделал трещинки. А дед после того валенки ещё раз окунул в воду, и весь валенок от этого покрылся льдом. Вот какие валенки после этого стали тёплые и прочные: мне самому в дедушкиных валенках приходилось незамерзающее болото зимой переходить, и хоть бы что...

И я опять вернулся к той мысли, что, пожалуй, дедушкиным валенкам никогда и не будет конца.

Но случилось, однажды дед наш захворал. Когда пришлось ему по нужде выйти, надел в сенях валенки, а когда вернулся, забыл их снять в сенях и оставить на холоду. Так в обледенелых валенках и залез на горячую печку.

Не то, конечно, беда, что вода от растаявших валенок с печки натекла в ведро с молоком, — это что! А вот беда, что валенки бессмертные в этот раз кончились. Да иначе и быть не могло. Если налить в бутылку воды и поставить на мороз, вода обратится в лёд, льду будет тесно, и бутылку он разорвёт. Так и этот лёд в трещинках валенка, конечно, шерсть везде разрыхлил и порвал, и когда всё растаяло, всё стало трухой...

Наш упрямый дед, как только поправился, попробовал валенки ещё раз заморозить и походил даже немного, но вскоре весна пришла, валенки в сенцах растаяли и вдруг расплзлись.

— Верно, правда, — сказал дед в сердцах, — пришла пора отдыхать в вороньих гнёздах.

И в сердцах швырнул валенок с высокого берега в репейники, где я в то время ловил щеглов и разных птичек.

— Почему же валенки только воропам? — сказал я. — Всякая птичка весной тащит в гнездо шерстинку, пушинку, соломинку.

Я спросил об этом деда как раз в то время, как он замахнулся было вторым валенком.

— Всяким птичкам, — согласился дед, — нужна шерсть на гнездо — и зверькам всяким, мышкам, белочкам, всем это нужно, для всех полезная вещь.

И тут вспомнил дед про нашего охотника, что давно

ему охотник напоминал о валенках: пора, мол, их отдать ему на пыжи. И второй валенок не стал швырять и велел мне отнести его охотнику.

Тут вскоре началась птичья пора. Вниз к реке на репейники полетели всякие весенние птички и, поклёвывая головки репейников, обратили своё внимание на валенок. Каждая птичка его заметила, и, когда пришла пора вить гнёзда, с утра до ночи стали разбирать на клочки дедушкин валенок. За одну какую-то неделю весь валенок по клочку растащили птички на гнёзда, устроились, сели на яйца и высидживали, а самцы пели. На тепле валенка вывелись и выросли птички, когда стало холодно, тучами улетели в тёплые края. Весною они опять вернуться, и многие в дуплах своих, в старых гнёздах найдут опять остатки дедушкина валенка. Те же гнёздышки, что на земле были сделаны и на кустах, тоже не пропадут: с кустов все лягут на землю, а на земле их мышки найдут и растащат остатки валенка на свои подземные гнёзда.

Много в моей жизни походил я по лесам и, когда приходилось найти птичье гнёздышко с подстилом из войлока, думал, как маленький:

«Всё на свете имеет конец, всё умирает, и только одни дедушкины валенки вечные».

Высочка

Наша охотничья собака, лайка, приехала к нам с берегов Бии, и в честь этой сибирской реки так и назвали мы её Бией. Но скоро эта Бия почему-то у нас превратилась в Бьюшку, Бьюшку все стали звать Бьюшкой. Мы с ней мало охотились, но она прекрасно служила у нас сторожем при

машине. Уйдёшь на охоту — и будь уверен: Вьюшка не пустит в машину врага.

Раз было, пришли мы с охоты, стали разводить машину, а Вьюшку пустили погулять. Весёлая собачка эта Вьюшка, всем нравится: ушки как рожки, хвостик колечком, зубки беленькие, как чеснок. Достались ей от обеда две косточки. Получая подарок, Вьюшка развернула колечко своего хвоста и опустила его вниз поленом. Это у неё означало тревогу и начало бдительности, необходимой для защиты, — известно, что в природе на кости есть много охотников. С опущенным хвостом Вьюшка вышла на траву-мураву и занялась одной косточкой, другую же положила рядом с собой.

Тогда, откуда ни возьмись, сороки ежок, ежок — и к самому носу собаки. Когда же Вьюшка повернула голову к одной, — хват! — другая сорока с другой стороны хват! — и унесла косточку.

Дело было поздней осенью, и сороки вывода этого лета были совсем взрослые. Держались они тут всем выводком, в семь штук, и от своих родителей постигли все тайны воровства. Очень быстро они оклевали украденную косточку и недолго думая собрались отнять у собаки вторую. Говорят, что в семье не без урода, то же оказалось и в сорочьей семье. Из семи сорок одна вышла не то чтобы совсем глупенькая, а как-то с заскоком и с пыльцой в голове. Вот сейчас то же было: все шесть сорок повели правильное паступление, большим полукругом, поглядывая друг на друга, и только одна Выскочка поскакала дуром.

«Тра-та-та-та-та!» — застрекотали все сороки.

Это у них значило:

«Скачи назад, скачи, как надо, как всему сорочьему обществу надо».

«Тра-ля-ля-ля-ля!» — ответила Выскочка.

Это у неё значило:

«Скачите, как надо, а я — как мне самой хочется».

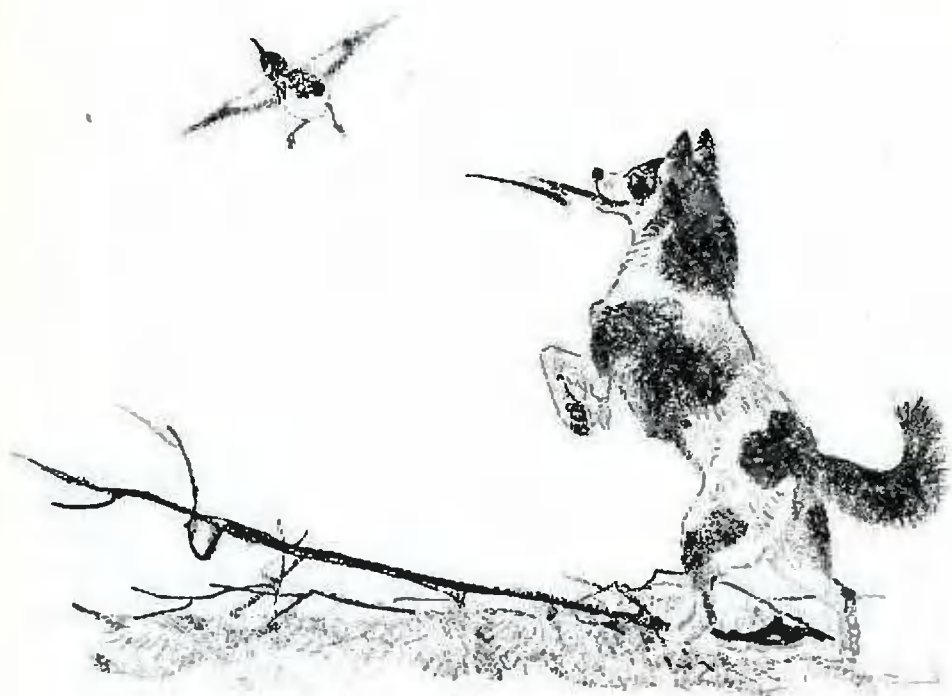
Так за свой страх и риск Выскочка подскакала к самой Вьюшке в том расчёте, что Вьюшка, глухая, бросится на неё, выбросит кость, она же изловчится и кость унесёт.

Вьюшка, однако, замысел Выскочки хорошо поняла и не только не бросилась на неё, но, заметив Выскочку косым глазом, освободила кость и поглядела в противоположную сторону, где правильным полукругом, как бы нехотя — скок и подумают — наступали шесть умных сорок.

Вот это мгновение, когда Вьюшка отвернула голову, Выскочка улучила для своего нападения. Она схватила кость и даже успела повернуться в другую сторону, успела ударить по земле крыльями, поднять пыль из-под травы-муравы. И только бы ещё одно мгновение, чтобы подняться на воздух, только бы одно мгновеньишко! Вот только-только бы подняться сороке, как Вьюшка схватила её за хвост, и кость выпала...

Выскочка вырвалась, но весь радужный длинный сорочий хвост остался у Вьюшки в зубах и торчал из пасти её длинным острым кинжалом.

Видел ли кто-нибудь сороку без хвоста? Трудно даже вообразить, во что превращается эта блестящая пёстрая и проворная воровка лиц, если ей оборвать хвост. Бывает, деревенские озорные мальчишки поймают слепня, воткнут ему в зад длинную соломинку и пустят эту крупную, сильную муху лететь с таким длинным хвостом, — гадость ужасная! Ну, так вот, это муха с хвостом, а тут — сорока без хвоста: кто удивился мухе с хвостом, ещё больше удивится сороке без хвоста. Ничего сорочьего не остаётся

тогда в этой птице, и ни за что в ней не узнаешь не только сороку, а и какую-нибудь птицу: это просто шарик пёстрый с головкой.

Бесхвостая Вискочка села на ближайшее дерево, все другие шесть сорок прилетели к ней. И было видно по всему сорочьему стрекотанию, по всей суете, что нет в сорочьем быту большего сраму, как лишиться сороке хвоста.

Медведь

Многие думают, будто пойти только в лес, где много медведей, и так они вот и набросятся и съедят тебя, и останутся от козлика ножки да рожки. Такая это неправда!

Медведи, как и всякий зверь, ходят по лесу с великой осторожностью и, зачуйв человека, так удирают от него, что не только всего зверя, а не увидишь даже и мелькнувшего хвостика.

Однажды на Севере мне указали место, где много медведей. Это место было в верховьях реки Коды, впадающей в Пинегу. Убивать медведя мне вовсе не хотелось, и охотиться за ним было не время: охотятся зимой, я же пришёл на Коду ранней весной, когда медведи уже вышли из берлог.

Мне очень хотелось застать медведя за едой, где-нибудь на полянке, или на рыбной ловле на берегу реки, или на отдыхе. Имея на всякий случай оружие, я старался ходить по лесу так же осторожно, как звери, затаивался возле тёплых следов; не раз мне казалось, будто мне даже и пахло медведем... Но самого медведя, сколько я ни ходил, встретить мне в тот раз так и не удалось.

Случилось наконец, терпение моё кончилось, и время пришло мне уезжать. Я направился к тому месту, где была у меня спрятана лодка и продовольствие. Вдруг вижу: большая еловая лапка передо мной дрогнула и закачалась сама.

«Зверушка какая-нибудь», — подумал я.

Забрав свои мешки, сел я в лодку и поплыл.

А как раз против места, где я сел в лодку, на том берегу, очень крутом и высоком, в маленькой избушке жил

один промысловый охотник. Через какой-нибудь час или два этот охотник поехал на своей лодке вниз по Куде, нагнал меня и застал в той избушке на полпути, где все останавливаются.

Он-то вот и рассказал мне, что со своего берега видел медведя, как он вымахнул из тайги как раз против того места, откуда я вышел к своей лодке. Тут-то вот я и вспомнил, как при полном безветрии закачались впереди меня еловые лапки.

Досадно мне стало на себя, что я подшумел медведя. Но охотник мне ещё рассказал, что медведь не только ускользнул от моего глаза, но ещё и надо мной посмеялся... Он, оказывается, очень недалеко от меня отбежал, спрятался за выворотень и оттуда, стоя на задних лапах, наблюдал меня: и как я вышел из леса, и как сел в лодку и поплыл. А после, когда я для него закрылся, влез на дерево и долго следил за мной, как я спускаюсь по Куде.

— Так долго, — сказал охотник, — что мне надоело смотреть и я ушёл чай пить в избушку.

Досадно мне было, что медведь надо мной посмеялся. Но ещё досадней бывает, когда болтуны разные пугают детей лесными зверями и так представляют их, что покажись будто бы только в лес без оружия — и они оставят от тебя только рожки да ножки.

Курица на столбах

Весной соседи подарили нам четыре гусиных яйца, и мы подложили их в гнездо нашей чёрной курицы, прозванной Пиковой Дамой. Прошли положенные дни для

высиживапия, и Пиковая Дама вывела четырёх жёлтеньких гуськов. Они пищали, посвистывали совсем по-пному, чем цыплята, но Пиковая Дама, важная, нахохленная, не хотела ничего замечать и относилась к гусятам с той же материнской заботливостью, как к цыплятам.

Прошла весна, настало лето, везде показались одуванчики. Молодые гуськи, если шеи вытянут, становятся чуть ли не выше матери, но всё ещё ходят за ней. Бывает, однако, мать раскапывает лапками землю и зовёт гуськов, а они занимаются одуванчиками, тукают их носами и пускают пушилки по ветру. Тогда Пиковая Дама начинает поглядывать в их сторону, как нам кажется, с некоторой долей подозрения. Бывает, часами, распушённая, с квохтаньем копает она, а им хоть бы что: только посвистывают и поклёвывают зелёную травку. Бывает, собака захочет пройти куда-нибудь мимо неё — куда тут! Кинется на собаку и прогонит. А после и поглядит на гуськов, бывает, задумчиво поглядит...

Мы стали следить за курицей и ждать такого события, после которого наконец она догадается, что дети её вовсе даже на кур не похожи и не стоит из-за них, рискуя жизнью, бросаться на собак.

И вот однажды у нас на дворе событие это случилось. Пришёл насыщенный ароматом цветов солнечный июньский день. Вдруг солнце померкло, и петух закричал.

«Квох, квох!» — ответила петуху курица, зазывая своих гусят под навес.

— Батюшки, туча-то какая находит! — закричали хозяйки и бросились спасать развешанное бельё.

Грянул гром, сверкнула молния.

«Квох, квох!» — настаивала курица Пиковая Дама.

И молодые гуси, подняв высоко шеи свои, как четыре

столба, пошли за курицей под навес. Удивительно нам было смотреть, как по приказанию курицы четыре порядочных, высоких, как сама курица, гусёнка сложились в маленькие штучки, подлезли под наседку и она, распушив перья, распластав крылья над ними, укрыла их и угрела своим материнским теплом.

Но гроза была недолгая.

Туча пролилась, ушла, и солнце снова засияло над нашим маленьким садом.

Когда с крыш перестало литься и запели разные птички, это услышали гусята под курицей, и им, молодым, конечно, захотелось на волю.

«На волю, на волю!» — засвистали они.

«Квох, квох!» — ответила курица.

И это значило:

«Посидите немного, ещё очень свежо».

«Вот ещё! — свистели гусята. — На волю, на волю!»

И вдруг поднялись на ногах и подняли шеи, и курица поднялась, как на четырёх столбах, и закачалась в воздухе высоко от земли.

Вот с этого разу всё и кончилось у Пиковой Дамы с гусями: она стала ходить отдельно, гуси отдельно; видно, тут только она всё поняла, и во второй раз ей уже не захотелось упасть на столбы.

Таинственный ящик

В Сибири, в местности, где водится очень много волков, я спросил одного охотника, имеющего большую награду за партизанскую войну:

— Бывают ли у вас случаи, чтобы волки нападали на человека?

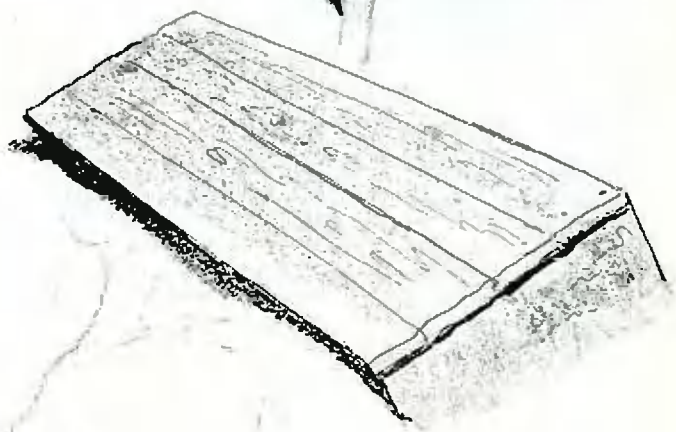
— Бывают, — ответил он. — Да что из этого? У человека оружие, человек — сила, а что волк! Собака, и больше ничего.

— Однако если эта собака да на безоружного человека...

— И то ничего, — засмеялся партизан. — У человека самое сильное оружие — ум, находчивость и в особенности такая оборотливость, чтобы из всякой вещи сделать себе оружие. Раз было, один охотник простой ящик превратил в оружие.

Партизан рассказал случай из очень опасной охоты на волков с поросёнком. Лунной ночью сели в сани четыре охотника и захватили с собой ящик с поросёнком. Ящик был большой, сшитый из полутёса. В этот ящик без крышки посадили поросёнка и поехали в степь, где волков великое множество. А было это зимой, когда волки голодные. Вот охотники выехали в поле и начали поросёнка тянуть кто за ухо, кто за ногу, кто за хвост. Поросёнок от этого стал визжать: больше тянут — больше визжит, и всё звонче и звонче, и на всю степь. Со всех сторон на этот поросёный визг стали собираться волчьи стаи и наступать охотничьи сани. Когда волки приблизились, вдруг лошадь их почуяла — и как хватит! Так и полетел из саней ящик с поросёнком и, самое скверное, вывалился один охотник без ружья и даже без шапки.

Часть волков умчалась за взбешённой лошадью, другая же часть набросилась на поросёнка, и в один миг от него ничего не осталось. Когда же эти волки, закусив поросёнком, захотели приступить к безоружному человеку, вдруг глядят, а человек этот исчез и на дороге только ящик

один лежит вверх дном. Вот пришли волки к ящику и видят: ящик-то не простой — ящик движется с дороги к обочине и с обочины в глубокий снег. Пошли волки осторожно за ящиком, и как только этот ящик попал на глубокий снег, на глазах волков он стал ниже и ниже.

Волки оробели, но, постояв, оправились и со всех сторон ящик окружили. Стоят волки и думают, а ящик всё ниже да ниже. Ближе волки подходят, а ящик не дремлет: ниже да ниже. Думают волки: «Что за диво? Так будем дожидаться — ящик и вовсе под снег уйдёт».

Старший волк осмелился, подошёл к ящику, приставил нос свой к щёлке...

И только он свой волчий нос приставил к этой щёлке, как дунет на него из щёлки! Сразу все волки бросились в сторону, какой куда попал, и тут же вскоре охотники вернулись на помощь, и человек живой и здоровый вышел из ящика.

— Вот и всё, — сказал партизан. — А вы говорите, что безоружному нельзя против волков выходить. На то и ум у человека, чтобы он из всего мог себе делать защиту.

— Позволь, — сказал я, — ты мне сейчас сказал, что человек из-под ящика чем-то дунул.

— Чем дунул? — засмеялся партизан. — А словом своим человеческим дунул, и они разбежались.

— Какое же это слово такое он знал против волков?

— Обыкновенное слово, — сказал партизан. — Какие слова говорят в таких случаях... «Дураки вы, волки», — сказал, — и больше ничего.

Барсуки

Поехали зимой колхозники в луга за сеном, шевельнули вилами стог, а в нём барсук зимовал.

На другой день ребята решили идти бить барсуков. Пустили в нору собаку. Барсучиха выбежала. Увидели ребята, что барсучиха тихо бегает, что можно догнать, не

стали стрелять и бросились все за ней. Догнали. Что делать? Ружья побросали у нор, палок в руках нет, голыми руками взять боязно. А между тем барсучиха нашла себе новый ход под землю и скрылась.

Собака вытащила гнездо и барсучонка: порядочный, с хорошего щенка.

Звери

Маленького слепого лисёнка вынули из норы, дали воспитывать молочной кошке, и она любила его, и он ласкался к ней, как к родной матери.

В лукошке окотилась кошка, котят забросили, другая вскоре окотилась в том же лукошке — оставили одного. То-

гда обе кошки одного котёнка стали кормить: родная уйдёт — лезет в лукошко чужая. И не только волк, даже тигр будет с величайшей нежностью заглядывать в глаза, если человек выходит его и с малых лет станет ему вместо матери.

Несправедливо бранятся зверем, хуже нет, когда скажут: «Вот настоящий зверь». А между тем у зверей этих хранится бездонный запас любви и нежности.

Глоток молока

Лада заболела. Чашка с молоком стояла возле её носа, она отвёртывалась. Позвали меня.

— Лада, — сказал я, — надо поесть.

Она подняла голову и забила прутком. Я погладил её. От ласки жизнь заиграла в её глазах.

— Кушай, Лада, — повторил я и подвинул блюдце поближе.

Она протянула нос к молоку и залакала.

Значит, через мою ласку ей силы прибавилось. Может быть, именно эти несколько глотков молока спасли её жизнь.

Знакомый бекас

Бекас — это болотная птичка, серая, величиной в два воробья. Нос длинный, в полкарандаша. Этим носом бекас в грязи достаёт себе червячков.

Мясо у бекаса до того вкусное, что у охотников бекас — любимая птица.

Жил у нас под городом бекас. Охотники ходили к его

гнезду учить молодых собак. Почует собака бекаса далеко и вся вытянется и стоит и смотрит туда, где бекас сидит. Охотник, конечно, не видит бекаса, но по собаке знает, где он. Скажет: «Вперёд!» — и собака тихонечко подводит охотника к птице. Ещё скажет охотник: «Вперёд!» — собака сгонит бекаса, и охотник стреляет в летящего.

На лету бекас виляет в разные стороны — очень трудно попасть. Вот ещё и потому, что трудно попасть, любят охотники бекасиною охоту.

Нашего бекаса под городом мы всё берегли и гнёздышко его охраняли: на его гнезде мы учили собак. Однажды подвела меня собака к его гнезду. Бекас улетел за пищей, а в гнезде лежали яички, четыре штуки, и рядом с яичками лежал футлярчик от пенсне.

По этому футлярчику я догадался: это, наверно, мой знакомый учил здесь собаку и тоже, как я, заглянул бекасу в гнездо.

Встретив его сегодня на улице, я передал ему футлярчик.

Лисичкин хлеб

Однажды я проходил по лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял я с плеч тяжёлую сумку и стал своё добро выкладывать на стол.

— Это что за птица? — спросила Зиночка.

— Терентий, — ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живёт в лесу, как бормочет весной, как берёзовые почки клюёт, ягоды осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей, что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть. Ещё я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и чёрных. Ещё у меня была в кармане кровавая ягода костяника, и голубая черника, и красная брусника. Ещё я принёс с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

— Кто же их там лечит? — спросила Зиночка.

— Сами лечатся, — ответил я. — Придёт, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнёт топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит, отдохнёт. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдёт. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затынет.

Тожe нарочно для Зиночки принёс я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слёзки, валерьянка, петров крест, заячья капуста. И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок чёрного хлеба: со мной это постоянно бывает, что когда не возьму хлеба в лес — голодно, а возьму — забуду съесть и назад принесу. А Зиночка, когда увидела у меня под заячьей капустой чёрный хлеб, так и обомлела:

— Откуда же это в лесу взялся хлеб?

— Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста.

— Заячья...

— А хлеб лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть.

— Хороший лисичкин хлеб.

И съела весь мой чёрный хлеб дочиста. Так и пошло у нас: Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берёт, а как я из лесу лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

— Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

Жизнь на ремешке

Зиночка моя совсем приуныла: никак не одолеет арифметику. Чтоб развлечь её, я взял бедняжку с собой в лес. Мы вышли с ней на полянку, где я охотился в прошлом году. Чтоб заметить это место на вырубке, я сломил тогда молодую берёзку, она повисла, помню, почти только на одном узеньком ремешке коры.

Я узнал это место, и вот удивление: берёзка висела зелёная на одном ремешке; ремешок коры подавал сок висящим сучьям.

— Ну, Зиночка, — сказал я, — не унывай. Коли берёзка на одном ремешке живёт и зеленеет, то уж у тебя-то хватит духу на арифметику.

„Изобретатель“

В одном болоте, на кочке под ивой, вывелись дикие кряковые утята. Вскоре после этого мать повела их к озеру по коровьей тропе. Я заметил их издали, спрятался за дерево, и утята подошли к самым моим ногам. Трёх из

них я взял себе на воспитание, остальные шестнадцать пошли дальше по коровьей тропе.

Продержал я у себя этих чёрных утят, и стали они вскоре все серыми. После из серых вышел один красавец, разноцветный селезень, и две уточки: Дуся и Муся. Мы им крылья подрезали — чтобы не улетели, и жили они у нас на дворе вместе с домашними птицами: куры были у нас и гуси.

С наступлением новой весны устроили мы своим дикарям из всякого хлама в подвале кочки, как на болоте, а на них — гнёзда.

Дуся положила себе в гнездо шестнадцать яиц и стала высиживать утят.

Муся положила восемнадцать, но сидеть на них не захотела. Как мы ни бились, пустая голова не захотела быть матерью.

И мы посадили на утиные яйца нашу важную чёрную курицу — Пиковую Даму.

Пришло время, вывелись наши утята. Мы их некоторое время подержали на кухне, в тепле, крошили им яйца, ухаживали. Через несколько дней наступила очень хорошая, тёплая погода. Дуся повела своих чёрненьких к пруду, а Пиковая Дама — своих в огород, за червями.

«Свись-свись!» — утята в пруду.

«Кряк-кряк!» — отвечает им утка.

«Свись-свись!» — утята в огороде.

«Квох-квох!» — отвечает им курица.

Утята, конечно, не могут понять, что значит «квох-квох», а что слышится с пруда, это им хорошо известно.

«Свись-свись!» — это значит: «Свой к своим!»

А «кряк-кряк» значит: «Вы, утки, вы, кряквы, скорей плывите!»

И они, конечно, глядят туда, к пруду.

«Свои к своим!»

И бегут.

«Плывите, плывите!»

И плывут.

«Квох-квох!» — упирается важная птица курица на берегу.

Они всё плывут и плывут. Сосвистались, сплылись, ра-

достно приняла их в свою семью Дуся; по Мусе они были ей родные племянники.

Весь день большая сборная утиная семья плавала на прудике, и весь день Пиковая Дама, распушённая, сердитая, квохтала, ворчала, копала ногой червей на берегу, старалась привлечь червями утят и квохтала им о том, что уж очень-то много червей, таких хороших червей!

«Дрянь-дрянь!» — отвечала ей кряква.

А вечером она всех своих утят провела одной длинной верёвочкой по сухой тропинке. Под самым носом важной птицы прошли они, чёрненькие, с большими утиными носами, ни один даже на такую мать и не поглядел.

Мы всех их собрали в одну высокую корзинку и оставили ночевать в тёплой кухне возле плиты.

Утром, когда мы ещё спали, Дуся вылезла из корзинки, ходила вокруг по полу, кричала, вызывала к себе утят. В тридцать голосов ей на крик отвечали свистуны. На утиный крик стены нашего дома, сделанного из звонкого соснового леса, отзывались по-своему. И всё-таки в этой кухне мы расслышали отдельно голос одного утёнка.

— Слышите? — спросил я своих ребят.

Они прислушались.

— Слышим! — закричали.

И пошли в кухню.

Там, оказалось, Дуся была не одна на полу. С ней рядом бегал один утёнок, очень беспокоился и непрерывно свистел. Этот утёнок, как и все другие, был ростом с небольшой огурец. Как же мог такой-то воин перелезть стену корзинки высотой не менее как сантиметров в тридцать?

Стали мы об этом догадываться, и тут явился новый вопрос: сам утёнок придумал себе какой-нибудь способ

выбраться из корзины вслед за матерью или же она случайно задела его каким-нибудь своим крылом и выбросила?

Я перевязал ножку этого утёнка ленточкой и пустил в общее стадо.

Переспали мы ночь, и утром, как только раздался в доме утиный утренний крик, — мы в кухню.

На полу вместе с Дусей бегал утёнок с перевязанной лапкой.

Все утята, заключённые в корзине, свистели, рвались на волю и не могли ничего сделать. Этот выбрался.

Я сказал:

— Он что-то придумал.

— Он изобретатель! — крикнул Лёва.

Тогда я задумал посмотреть, каким же способом этот «изобретатель» решает труднейшую задачу: на своих утиных перепончатых лапках подняться по отвесной стене. Я встал на следующее утро до свету, когда и ребята мои и утята спали непробудным сном. В кухне я сел возле выключателя, чтобы сразу, когда надо будет, дать свет и рассмотреть события в глубине корзины.

И вот побелело окно. Стало светать.

— Кряк-кряк! — проговорила Дуся.

«Свись-свись!» — ответил единственный утёнок.

И всё замерло. Спали ребята, спали утята.

Раздался гудок на фабрике. Свету прибавилось.

— Кряк-кряк! — повторила Дуся.

Никто не ответил. Я понял: «изобретателю» сейчас некогда, сейчас, наверно, он решает свою труднейшую задачу.

И я включил свет.

Ну, так вот я и знал! Утка ещё не встала, и голова её ещё была вровень с краем корзины. Все утята спали в тепле под матерью, только один, с перевязанной лапкой, вылез и по перьям матери, как по кирпичикам, взбирался вверх, к ней на спину.

Когда Дуся встала, она подняла его высоко, на уровень с краем корзины. По её спине утёнок, как мышь, пробежал до края — и кувырк вниз! Вслед за ним мать тоже вывалилась на пол, и началась обычная утренняя кутерьма: крик, свист на весь дом.

Дня через два после этого утром на полу появилось сразу три утёнка, потом пять, и пошло, и пошло: чуть только крикнет утром Дуся, все утята к ней на спину и потом валятся вниз.

А первого утёнка, проложившего путь для других, мои дети так и прозвали Изобретателем.

Сват

Подарили мне небольшую собачку редкостной породы спаниель, величиной с два больших кота, а уши до самой земли. Когда ест — уши мокнут, когда нюхает землю — передними лапами наступают на свои уши.

«Ухан» следовало бы назвать его по-русски, но у него кличка была английская — Джимми. Не нравилась мне чужая кличка, такая незвучная: изволь орать «Джимми», когда дрессируемый щенок помчится за котом или зай-

цем. Мы сначала превратили Джимми в арабского Джина, а когда этот арабский Джин засел верхом на утку нашу и начал её жать, то мы все разом закричали на него не Джин, а Жим, в смысле «не жми».

И так оно и пошло бы, наверное, Жим, но случилось однажды, наш саниель засел верхом на Хромку, нашу охотничью ручную уточку, без того уже убогую, хроменькую.

— Жим, перестать! Жим, не жми! — закричали мы ему.

Но он не слушал и продолжал давить Хромку. В это время за калиткой на улице прохожий звучно крикнул кому-то:

— Сват!

И, услышав этого «свата», Жим почему-то бросил утку.

— Вот кличка-то! — сказал я. — И звучная и милая. Давайте попробуем Жима звать Сватом.

В это время по улице люди из деревни шли на базар. Не успел я это сказать своим, как послышался за калиткой отчётливый разговор каких-то прохожих:

— Да он мне, милый, не сват, не брат, — сказал один.

А другой ему сочувственно:

— И не сват, и не кум.

И пошло, как под музыку:

Не тесть, и не зять,
И не шурин, не свояк.

После некоторого молчания и уже издали, чуть слышно:

— Никакая не родня, а просто седьмая вода на киселе. На другой день случилось: Жим разогнал нашего кота

и сам ударился за ним через подворотню на улицу. Я выбежал в калитку и во всё горло закричал:

— Сват!

Тут соседи мои и мальчишки-голубятники удивились, кого это я зову сватом.

А кот в это время, сделав круг и не успев вскочить где-нибудь на дерево, бежал обратно, и за ним, чуть ли не на хвосте кошачьем, мчался Сват. Тогда по лицу моему, по всему удовлетворённому виду соседи и все, кто был на улице, поняли, кто был моим сватом. И сколько тут было смеху, сколько звонкой радости! Старый и малый — все орало вслед бегущему коту и собачке: кто орал «Сват», кто — «Кум», кто — «Тесть», кто — «Зять», кто — «Шурин», кто — «Деверь», кто — «Свояк».

Кот же, конечно, нырнул в подворотню и, чувствуя у самого хвоста своего мерду Свата, махнул вверх на маши-

ну. А Сват, конечно, за ним тоже на машину. Васька, прижатый к окну шофёра, вглядывается холодным, расчётливым глазом и медленно запосит назад правую лапу точно так же, как бойцы запосят назад руку с гранатой, чтобы с силой бросить вперёд.

И когда нос Свата был возле кота, граната ударила по носу и с шином разорвалась, а я, сочувствуя коту, сказал:

— Я тебе не сват, не брат.

И столько раз надавал кот лапой Свату, что я успел принести фотоаппарат и снять их и докончить им свою присказку:

Не сват, не брат,
Не тесть, не кум,
Не зять, не свояк,
И не шурин, и никакая не родня,
Седьмая вода на киселе.

Пиковая Дама

Курица непобедима, когда она, пренебрегая опасностью, бросается защищать своего птенца. Мосму Трубачу стоило только слегка нажать челюстями, чтобы уничтожить её, но громадный гонец, умеющий постоять за себя и в борьбе с волками, поджав хвост, бежит в свою конуру от обыкновенной курицы.

Мы зовём нашу чёрную наседку за необычайную её родительскую злобу при защите детей, за её клюв-пику на голове Пиковой Дамой. Каждую весну мы сажаем её на яйца диких уток (охотничьих), и она высидживает и выхаживает нам утят вместо цыплят. В нынешнем году случи-

лось, мы недосмотрели: выведенные утята преждевременно попали на холодную росу, подмочили пупки и погибли, кроме единственного. Все наши заметили, что в нынешнем году Пиковая Дама была во сто раз злей, чем всегда.

Как это понять?

Не думаю, что курица способна обидеться на то, что получились утята вместо цыплят. И раз уж села курица на яйца, недоглядев, ей приходится сидеть, и надо высидеть, и надо потом выхаживать птенцов, надо защищать от врагов, и надо всё довести до конца. Так она и водит их и не позволяет себе их даже разглядывать с сомнением: «Да цыплята ли это?»

Нет, я думаю, этой весной Пиковая Дама была раздражена не обманом, а гибелью утят, и особенное беспокойство её за жизнь единственного утёнка понятно: везде родители беспокоятся о ребёнке больше, когда он единственный...

Но бедный, бедный мой Грашка!

Это грач; с отломанным крылом он пришёл ко мне на огород и стал привыкать к этой ужасной для птицы бескрылой жизни на земле и уже стал подбегать на мой зов «Грашка», как вдруг однажды в моё отсутствие Пиковая Дама заподозрила его в покушении на своего утёнка и прогнала за пределы моего огорода, и он больше ко мне после того не пришёл.

Что грач! Добродушная, уже пожилая теперь, моя легавая Лада часами выглядывает из дверей, выбирает местечко, где ей можно было бы безопасно от курицы до ветру сходить. А Трубач, умеющий бороться с волками! Никогда он не выйдет из конуры, не проверив острым глазом своим, свободен ли путь, нет ли вблизи где-нибудь страшной чёрной курицы.

Но что тут говорить о собаках — хорош и я сам! На днях вывел из дому погулять своего шестимесячного щенка Травку и только завернул за овин, гляжу — передо мною утёнок стоит. Курицы возле не было, но я себе её вообразил и в ужасе, что она выклюнет прекраснейший глаз у Травки, бросился бежать, и как потом радовался — подумать только, я радовался! — что спасся от курицы!

Было вот тоже в прошлом году замечательное происшествие с этой сердитой курицей. В то время, когда у нас прохладными светло-сумеречными ночами стали сено косить на лугах, я вздумал немного промять своего Трубача и дать погонять ему лисичку или зайца в лесу. В густом сльнике, на перекрёстке двух зелёных дорожек, я дал волю Трубачу, и он сразу же ткнулся в куст, вытурил молодого русака и с ужасным рёвом погнал его по зелёной дорожке. В это время зайцев нельзя убивать; я был без ружья и готовился на несколько часов отдаться наслаждению любезнейшей для охотника музыкой. Но вдруг где-то около деревни собака скололась, гон прекратился, и очень скоро возвратился Трубач, очень смущённый, с опущенным хвостом, и на светлых пятнах его была кровь (мастью он жёлто-пегий в румянах).

Всякий знает, что волк не будет трогать собаку, когда можно всюду в поле подхватить овцу. А если не волк, то почему же Трубач в крови и в таком необычайном смущении?

Смешная мысль мне пришла в голову. Мне представилось, что из всех зайцев, столь робких всюду, нашёлся единственный в мире настоящий и действительно храбрый, которому стыдно стало бежать от собаки.

«Лучше умру!» — подумал мой заяц. И, завернув себе

прямо в пятку, бросился на Трубача. И когда огромный пёс увидал, что заяц бежит на него, то в ужасе бросился назад и бежал не помня себя чашей и обдирая до крови спину. Так заяц и пригнал ко мне Трубача.

Возможно ли это?

Нет! С человеком так могло случиться, но у зайцев так не бывает.

По той самой зелёной дорожке, где бежал русак от Трубача, я спустился из леса на луг и тут увидел, что косцы, смеясь, оживлённо беседовали и, завидев меня, стали звать

скорее к себе, как все люди зовут, когда душа переполнена и хочется облегчить её.

— Ну и дела!

— Да какие же такие дела?

— Ой-ой, ой!

И пошло, и пошло в двадцать голосов, одна и та же история, ничего не поймёшь, и только вылетает из гомона колхозного:

— Ну и дела! Ну и дела!

И вот какие это вышли дела. Молодой русак, вылетев из лсса, покотил по дороге к овинам, и вслед за ним вылетел и помчался врасстяжку Трубач. Случалось, на чистом месте Трубач у нас догонял и старого зайца, а молодого-то догнать ему было очень легко. Русаки любят от гончих укрываться возле деревень, в омётах соломы, в овинах. И Трубач настиг русака возле овина. Косцы видели, как на повороте к овину Трубач раскрыл уже и пасть свою, чтобы схватить зайчика...

Трубацу бы только хватить, но вдруг на него из овина вылетает большая чёрная курица — и прямо в глаза ему. И он повёртывается назад и бежит. А Пиковая Дама ему на спину — и клюёт и клюёт его своей пикой.

Ну и дела!

И вот отчего у жёлто-пегого в румянах на светлых пятнах была кровь: гонца расклевала обыкновенная курица.

Хромка

Плыву на лодочке, а за мной по воде плывёт Хромка — моя подсадная охотничья уточка. Эта уточка вышла из диких уток, а теперь она служит мне, человеку, и своим

утиным криком подманивает в мой охотничий шалаш диких селезней.

Куда я ни поплыву, всюду за мной плывёт Хромка. Займётся чем-нибудь в заводи, скроюсь я за поворотом от неё, крикну: «Хромка!», и она бросит всё и подлетает опять к моей лодочке. И опять куда я, туда и она.

Горе нам было с этой Хромкой! Когда вывелись утята, мы первое время держали их в кухне. Это пронюхала крыса, прогрызла дырку в углу и ворвалась. На утиный крик мы прибежали как раз в то время, когда крыса тащила утёнка за лапку в свою дырку. Утёнок застрял, крыса убежала, дырку забили, но только лапка у нашего утёнка осталась сломанная.

Много трудов положили мы, чтобы вылечить лапку: связывали, бинтовали, примачивали, присыпали — ничего не помогло: утёнок остался хромым навсегда.

Горе хромоту в мире всяких зверушек и птиц: у них что-то вроде закона — больных не лечить, слабого не жалеть, а убивать. Свои же утки, куры, индюшки, гуси — все норовят тукнуть Хромку. Особенно страшны были гуси. И что ему, кажется, великану, такая безделушка утёнок, — нет, и гусь с высоты своей поровит обрушиться на каплюшку и сплюснуть, как паровой молот.

Какой умишко может быть у маленького хромого утёнка? Но всё-таки и он своей головёнкой, величиной с лесной орех, сообразил, что единственное спасение его — в человеке. И нам по-человечески было жалко его: эти беспощадные птицы всех пород хотят лишиться его жизни, а чем он виноват, если крыса вывернула ему лапку?

И мы по-человечески полюбили маленькую Хромку.

Мы взяли её под защиту, и она стала ходить за нами, и только за нами. И когда выросла она большая, нам не

нужно было ей, как другим уткам, подстригать крылья. Другие утки — дикари — считали дикую природу своей родиной и всегда стремились туда улететь. Хромке некуда было улетать от нас. Дом человека стал её домом. Так Хромка в люди выпла.

Вот почему теперь, когда я плыву на лодочке своей на утиную охоту, моя уточка сама плывёт за мной. Отстанет, снимается с воды и подлетает. Займётся рыбкой в заводи, заверну я за кусты, скроюсь и только крикну: «Хромка!», вижу — летит моя птица ко мне.

О чём шепчутся раки

Удивляюсь на раков — до чего много, кажется, напугано у них лишнего: сколько ног, какие усы, какие клешни и ходит хвостом наперёд, и хвост называется шейкой. Но всего более дивило меня в детстве, что когда раков соберут в ведро, то они между собой начинают шептаться. Вот шепчутся, вот шепчутся, а о чём, не поймёшь.

И когда скажут: «Раки прешептались», это значит — они умерли и вся их рачья жизнь в шепот ушла.

В нашей речке Вертушинке раньше, в моё время, раков было больше, чем рыбы. И вот однажды бабушка Домна Ивановна с внучкой своей Зиной собралась к нам на Вертушинку за раками. Бабушка с внучкой пришли к нам вечером, отдохнули немного — и на реку. Там они расставили свои рачьи сеточки. Эти рачьи сачки у нас все делают сами: загибается ивовый прутик кружком, кружок обтягивается сеткой от старого невода, на сетку кладётся кусочек мяса или чего-нибудь, а лучше всего кусочек жареной и духовитой для раков лягушки. Сеточки опускают

на дно. Учувя запах жареной лягушки, раки вылезают из береговых печур, ползут на сетки. Время от времени сачки за верёвки вытаскивают кверху, снимают раков и опять опускают.

Простая эта штука. Всю ночь бабушка с внучкой вытаскивали раков, наловили целую большую корзину и утром собрались назад, за десять вёрст к себе в деревню. Солнышко взошло, бабушка с внучкой идут, распарились, разморились. Им уж теперь не до раков, только бы добраться домой.

— Не перешептались бы раки, — сказала бабушка.

Зиночка прислушалась.

Раки в корзинке шептались за спиной бабушки.

— О чём они шепчутся? — спросила Зиночка.

— Перед смертью, внученька, друг с другом прощаются.

А раки в это время совсем не шептались. Они только тёрлись друг о друга шершавыми костяными бочками, клешнями, усиками, шейками, и от этого людям казалось, будто от них шёпот идёт. Не умирать раки собирались, а жить хотели. Каждый рак все свои ножки пускал в дело, чтобы хоть где-нибудь найти дырочку, и дырочка нашлась в корзинке, как раз чтобы самому крупному раку пролезть. Один рак вылез крупный, за ним более мелкие шутя выбрались, и пошло, и пошло: из корзинки — на бабушкину кацавейку, с кацавейки — на юбку, с юбки — на дорожку, с дорожки — в траву, а из травы — рукой подать речка.

Солнце палит и палит. Бабушка с внучкой идут и идут, а раки ползут и ползут. Вот подходит Домна Ивановна с Зинойчкой к деревне. Вдруг бабушка остановилась, слушает, что в корзинке у раков делается, и ничего не слы-

шит. А что корзиночка-то лёгкая стала, ей и невдомёк: не спавши ночь, до того уходилась старуха, что и плеч не чувствует.

— Раки-то, внученька, — сказала бабушка, — должно быть, перешептались.

— Померли? — спросила девочка.

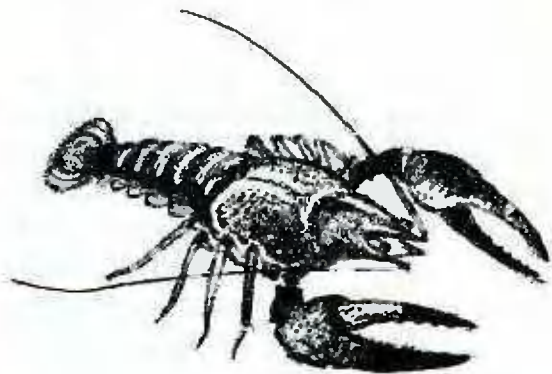
— Уснули, — ответила бабушка, — не шепчутся больше.

Пришли к избе, сняла бабушка корзиночку, подняла тряпку:

— Батюшки родимые, да где же раки-то?

Зиночка заглянула — корзина пустая.

Поглядела бабушка на внучку — и только руками развела.

— Вот они, раки-то, — сказала она, — шептались! Я думала — они это друг с другом перед смертью, а они это с нами, дураками, прощались.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Остров спасения

Дом на колёсах	5	Щука	38
Деревья в плену	8	Берестяная трубочка	—
Жаркий час	—	Верхоплавки	39
Беличья память	10	Барсучьи норы	41
Сосулька	—	Красные шишки	—
Муравьи	12	Лесной шатёр	42
Ночёвки зайца	14	Пень-муравейник	43
Лягушонок	15	Филин	—
Остров спасения	16	Цветущие травы	47
Вальдшнеп	20	Старый дед	48
Трясогузка	21	Землеройка	—
Отражение	24	Силач	49
Гости	25	Старый скворец	50
Лоси	26	Именины осинки	—
Еж	29	Полянка в лесу	—
Разговор деревьев	30	Осинкам холодно	52
Этажи леса	31	Осенняя роска	53
Живая ночь	33	Лученье рыбы	—
Пегин башмак	35	Осенние листики	55
Около гнезда	36	Наш лагерь	56
Дятел	37		

II. О чём шепчутся раки

Дедушкин валенок	57	Знакомый бекас	—
Выскачка	61	Лисичкин хлеб	75
Медведь	65	Жизнь на ремешке	77
Курица на столбах	67	«Изобретатель»	—
Таинственный ящик	69	Сват	82
Барсуки	73	Пиковая дама	85
Звери	—	Хромка	89
Глоток молока	74	О чём шепчутся раки	92

Для начальной школы

Пришвин Михаил Михайлович

в краю дедушки МАЗАЯ

Ответственный редактор Г. И. Гусева. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор И. Д. Лаужуг.

Корректор Г. Ю. Гнетова.

Сдано в набор 8/Х 1972 г. Подписано к печати 8/II 1973 г. Формат 70×90^{1/4}. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 7,03 (Уч.-изд. л. 4,87). Тираж 300 000 экз., ТП 1973 №154. Цена 34 коп. на бум. №1. Орден Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росгизполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Калинин, проспект 50 летия Октября, 46. Вязьма № 6.

Пришвин М. М.

П77 В краю дедушки Мазая. Рассказы. Рис. Г. Никольского, М., «Дет. лит.», 1973.

95 с. с ил. (Школьная б-ка)

Край дедушки Мазая — лесные берега Волги около Костромы, описанные Некрасовым в поэме «Дедушка Мазай и зайцы». Сюда приехал Михаил Михайлович Пришвин в своем доме на колесах, прикрепленном к тракторчику, и прожил с самой ранней весной до самой поздней осени, наблюдая перемены в природе, изучая жизнь ее обитателей. Так была написана книга «В краю дедушки Мазая», состоящая из рассказов: «Почему зайцы», «Этажи леса», «Землеройка», «Листочки хлеба» и др.

Цена 34 коп.